

Виена
Дэй Рэндел

ПОСЛЕДНЯЯ
РОЗА
ШАНХАЯ

В поисках утраченного счастья

Виена Дэй Рэндел

Последняя роза Шанхая

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)-44

Рэндел В.

Последняя роза Шанхая / В. Рэндел — «Издательство АСТ»,
2021 — (В поисках утраченного счастья)

ISBN 978-5-17-149084-3

1940 год. Айи Шао – молодая наследница и владелица некогда популярного и гламурного шанхайского ночного клуба. Эрнест Райзманн – еврейский беженец без гроша в кармане, изгнанный из Германии, аутсайдер, ищущий убежища в городе, опасаящемся незнакомцев. Он теряет почти всякую надежду, пока не пересекается с Айи. Когда она нанимает Эрнеста играть на пианино в своем клубе, ее неповиновение обычаям вызывает сенсацию. Его мгновенная слава снова сделала клуб Айи самым популярным местом в Шанхае. Вскоре они понимают, что их объединяет не только страсть к джазу... От зажигательных джаз-клубов до бедных улиц осажденного города, «Последняя роза Шанхая» – это вневременная, захватывающая история любви и искупления.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-149084-3

© Рэндел В., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Примечание автора	6
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	38
Глава 12	41
Глава 13	43
Глава 14	46
Глава 15	50
Глава 16	55
Глава 17	58
Глава 18	62
Глава 19	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Виена Дэй Рэндел Последняя роза Шанхая

Weina Dai Randel
The Last Rose of Shanghai

© Weina Dai Randel, 2021
© Ковалева Е., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Посвящается моей матери (ноябрь 1950 – март 2018) и Рэймонду
Рэнделу (январь 1933 – июнь 2017)*

Примечание автора

Несмотря на то, что в этой истории рассказывается об исторических событиях, она представляет собой художественный вымысел. Имена, персонажи, организации, события, даты и происшествия не претендуют на достоверность или вовсе являются плодом моего воображения.

Глава 1

Осень, 1980

Отель «Мир», Шанхай

Мне шестьдесят лет, я предприниматель, филантроп и много пережившая женщина. Я тщательно продумала свой наряд для сегодняшней встречи. На мне черный кашемировый кардиган, желтая с вышивкой блузка, черные брюки и обувь, пошитая на заказ. Я всем сердцем надеюсь, что выгляжу утонченно и скромно, как и подобает беспечному миллиардеру.

Я разворачиваю свое инвалидное кресло и продвигаюсь от одного восьмиугольного стола к другому. Прошло много времени с тех пор, как я была здесь в последний раз, и отель, кажется, приветствует меня, как старинного друга. Стены, отделанные панелями из каштанового дерева, черно-белые гравюры и золотая люстра, свисающая с потолка, как сверкающее птичье гнездо. Здесь, конечно же, больше не слышны ни знакомые джазовые мелодии, ни гневные крики, ни его уверенный голос. Как никак, прошло уже сорок лет. Наше прошлое – мой свет, мои слезы – ускользнуло от меня навсегда и его уже не вернуть. Но я надеюсь, что сегодняшний день все изменит, и я, наконец, обрету покой.

Я решила подарить этот отель – эту культовую достопримечательность, построенную британцем, находившуюся под контролем нескольких правительств, а теперь являющуюся моей собственностью – американскому документалисту, с которым сегодня встречаюсь. Я попрошу ее только об одном: снять документальный фильм. Это необычная сделка, совершенно для меня невыгодная, но мне все равно. Документалист перелетела океан, чтобы увидеть меня, и я с нетерпением жду нашей встречи.

Я останавливаю свое инвалидное кресло у черного столика возле коринфских колонн. Мне не стоило бы нервничать, но сердце неистово колотится. Неужели я забыла принять лекарство сегодня утром? Не могу вспомнить, и, кажется, не могу сдвинуться с места, захваченная потоком воспоминаний.

Глава 2

Январь 1940

Айи

Мне было двадцать лет, прошло примерно два года после падения Шанхая и четыре месяца после начала войны в Европе, когда я столкнулась с проблемой. В моем ночном клубе, бизнесе стоимостью в миллион долларов, заканчивались запасы алкоголя из-за дефицита военного времени. Мои визиты на пивоварни и в торговые компании не увенчались успехом, и посетители стали замечать, что их вино разбавляют водой. В отчаянии я отправилась к последнему человеку, к которому обратилась бы за помощью, своему конкуренту по бизнесу, британскому бизнесмену, сэру Виктору Сассуну.

Он жил в своем же отеле, расположенном в самом сердце международного Поселения возле реки Хуанпу. Недалеко от здания я попросила своего шофера остановить мой коричневый седан «нэш», чтобы остаток пути пройти пешком. Обернув лицо шарфом и опустив голову, я поспешила мимо скрипящих рикш и грохочущих автомобилей, молясь о том, чтобы меня никто не узнал.

День близился к концу, надвигалась сильная гроза, небо выглядело хмурым, а солнце пряталось за облаками, как серебряная монета. В прохладном воздухе витал аромат духов, сигаретного дыма и китайских жареных пельменей со скакового ипподрома в нескольких кварталах отсюда. Добравшись до одного из входов в отель, я увидела, как дальше по улице джип сбил велосипедиста – местного шанхайца, насколько я могла судить – который схватившись за ногу, кричал от боли, его лицо было в крови. Из джипа выпрыгнул японский солдат в форме цвета хаки. Усмехаясь, он подошел к бедному велосипедисту, вытащил пистолет и выстрелил ему в голову.

Громкий выстрел резанул по ушам и пронзил мое сердце, но я ничего не могла сделать, кроме как отвести взгляд. Мы потерпели поражение в войне с японцами и потеряли город. Теперь, к сожалению, все мы, китайцы в Шанхае, были похожи на загнанную в темное болото рыбу. И чтобы избежать смертельного крючка и продолжать жить, у нас не было другого выбора, кроме как оставаться незаметными под водой.

Ускорив шаг, я поднялась на лестничную площадку у главного входа в отель и вошла внутрь через вращающиеся двери. Порыв теплого воздуха встретил меня в вестибюле. Выдохнув, я развязала шарф и окинула взглядом дорогие персидские ковры, сверкающий мраморный пол, роскошные бордовые кожаные диваны в стиле «Честерфилд» и букеты свежих роз и гвоздик, расставленные в высоких темно-синих вазах. Я обожала этот отель. До войны я часто баловала себя, бронируя «Якобинский» номер, один из вычурных люксов отеля с уникальным французским декором.

Я не видела Сассуна, но на диване сидел светловолосый мужчина, одетый в серый фланелевый костюм, похожий был у моего жениха, и хмуро смотрел на меня. Рядом с ним трое мужчин в синей униформе Четвертого американского полка морской пехоты. Они, должно быть, услышали выстрел, перестали курить свои сигареты и тоже повернулись ко мне. Они выглядели раздраженными, словно я была незваным гостем, который только что ворвался в их столовую.

Я задумалась, считали ли они, что я имею какое-то отношение к стрельбе снаружи, но, скорее всего, они испытывали недовольство, потому что я была единственным китайским

гостем в вестибюле. Мне нужно было быть осторожной. Все знали, что китайцы и иностранцы были подобны соли и сахару, которые нельзя смешивать, поскольку иностранцы, жившие в международном Поселении, считали местных жителей досадной помехой, а мы сторонились их как врагов. Эти мужчины в вестибюле меня не знали, но люди в Шанхае, включая Сассуна, были высокого обо мне мнения.

И я пришла в своем как обычно элегантном наряде: сшитом на заказ красном платье с разрезом до бедра и роскошном черном норковом пальто с воротником-смокингом. Из украшений на мне были золотые серьги в форме листочков, золотое ожерелье и дорогая сумочка. В Шанхае было не так много девушек, подобных мне – молодых, стильных, богатых, осмелюсь сказать, красивых и хватких благодаря многолетнему опыту управления ночным клубом. Я знала, как обращаться с самыми разными людьми.

Я не виляла бедрами, как кокетка, не опускала глаза, как служанка, не улыбалась, как девушка по вызову. Вместо этого, подняла свободную руку, вежливо кивнула им, как деловая женщина, коей являлась, и произнесла на безупречном американском английском:

– Добрый вечер, джентльмены. Как дела?

Ответа не последовало. Меня это вполне устраивало. Пройдя мимо них, я пересекла вестибюль, отмахиваясь от коридорных в бежевой униформе, которые предлагали свою помощь. Сассун, живущий в пентхаусе на одиннадцатом этаже, велел встретиться с ним внизу, но сам еще не спустился. Я была только рада, поскольку мысли о его пресловутом увлечении фотографией и его просьбе все еще крутились у меня в голове. К тому же, мне необходимо было улучшить момент, чтобы попросить об одолжении и не выглядеть при этом униженной.

Я направилась к креслу возле лифта, откуда, пошатываясь, вышли двое белых мужчин с бутылками пива «Пабст» в руках. Их потные лица и остекленевшие глаза говорили о том, что они были пьяны. Тот, что с бритой головой уставился на меня. До меня донеслось бормотание на английском:

– Собаки и китайцы не допускаются в этот отель.

Случись это в моем клубе, я приказала бы выпроводить этого человека вон. Я бросила на него презрительный взгляд, переложила сумочку в левую руку и двинулась в сторону «Джаз-бара» в конце вестибюля. Не успела я сделать и пары шагов, как в воздухе промелькнула бутылка и ударила меня по голове. В ушах раздался взрыв оглушительного хохота, я почувствовала головокружение, но видела, что в освещенном вестибюле ничего не изменилось, и никто не обратил внимание на произошедшее. Ни блондин во фланелевом костюме, скрывший лицо за журналом, ни американские морские пехотинцы, исчезнувшие в «Джаз-баре», и уж тем более ни старик с толстой шеей, который хлопал в ладоши, как будто смотрел развлекательное шоу.

Мне в любом случае не понадобилась бы их помощь. Сохраняя хладнокровие, я положила одну руку на талию, а другой ощупала свой пульсирующий лоб. Когда я почувствовала на пальцах что-то вязкое, меня охватила паника – моя внешность значила для меня все.

– Вы ударили меня! Я вызову полицию.

– Валяй. Они заберут тебя в тюрьму. – Мужчина, который запустил в меня бутылкой, хохотнул, а затем они начали скандировать:

– Тюрьма, тюрьма, тюрьма.

Я ненавидела, когда меня запугивали, но все в Шанхае знали, что полицейские-сикхи в международном Поселении были предвзяты, и мы, местные жители, проигравшие войну, не могли рассчитывать на них, ожидая какой-либо справедливости. Черт с ним, с Сассуном. Я просто хотела выбраться оттуда. Я развернулась, но мои высокие каблуки каким-то образом скользнули по груде осколков, и я с глухим стуком упала на пол. Это было унижительно.

– Позвольте вам помочь, – произнес мужчина рядом со мной и протянул руку. Это была уродливая рука с искривленными костяшками и скрюченным, как вопросительный знак,

мизинцем, паутина неровных шрамов и извивающихся рубцов покрывала тыльную сторону. Но я была признательна за помощь и позволила ему поднять меня на ноги. Я также испытала радость, так как этот человек, казалось, умел читать мои мысли – он отвел меня подальше от осколков, прочь от сердито огрызавшихся мерзавцев и поспешно вывел через вращающиеся двери на улицу.

Холодный ветер ударил мне в лицо на лестничной площадке. Испытывая шок и одновременно облегчение, я плотнее запахнула пальто на груди. На меня никогда раньше не нападали, и теперь я была в долгу перед человеком с изуродованной рукой. Я посмотрела на него.

Он был молодым, высоким и жилистым мужчиной, одетым в черное двубортное пальто с загнутыми лацканами, ни золотых часов, ни цепочки – обычно я не имела дел с таким типом людей. Черты его лица были резкими: полные губы, волевой подбородок и выступающий нос, который, казалось, заявлял всему миру, что у него есть цель в жизни. Но я все равно поблагодарила бы его, если бы не его глаза – поразительного голубого оттенка. Очередной белый мужчина.

– Вот они! Они напали на нас. Арестуйте их! – Двое подонков вышли через вращающуюся дверь, словно дурное предзнаменование. Их сопровождал огромный полицейский-сикх в чурбане.

Сколько же у них было наглости. Я откинула челку, чтобы показать полицейскому свой кровотокающий лоб, и произнесла по-английски своим непринужденным деловым тоном:

– Посмотрите, что они со мной сделали, сэр. Они лгут. Но давайте забудем об этом, хорошо? Нет нужды никого арестовывать.

Этот сикх, здоровенный мужчина, положил руку на револьвер «Уэбли» в кобуре.

– Мисс, я пытаюсь выполнять свою работу.

Типичный полицейский Поселения. Потому что для любого непредвзятого полицейского было бы понятно, что такая женщина, как я, скорее всего, жертва.

– Она говорит правду, сэр, – вмешался голубоглазый иностранец рядом со мной. Он держал мою сумочку и шарф, которые я неосознанно уронила в вестибюле. Мне хотелось бы их вернуть обратно, но благоразумие велело держаться от него подальше.

– Арестуйте их, арестуйте их, – раздались громкие протесты возле вращающейся двери, и сикх подошел ближе.

– Простите, мисс. – Он схватил оказавшего мне помощь мужчину за лацканы пальто.

Все случилось так быстро: иностранец отскочил назад, уронив мою сумочку и шарф, и, не подозревая о лестнице позади себя, оступился, упал и скатился по ступенькам на тротуар. Полицейский-сикх бросился за ним, а эти гнусные мерзавцы, напавшие на меня, разразились хохотом.

Я поспешно подняла свои вещи и сбежала по ступенькам к своему «нэшу», припаркованному на улице. Только добежав до машины, я обернулась. Вдалеке, среди толпы мчащихся рикш, пешеходов в длинных одеждах и неспешно проезжавших черных автомобилей, недалеко от тела велосипедиста, громила полицейский-сикх заломил за спину руки иностранца, невинного человека, и повел его в сторону полицейского участка.

Глава 3

Эрнест

Едва успев сойти с корабля и напрямиком в тюрьму – не такой представлял себе новую жизнь в Шанхае Эрнест Рейсмани. Он безуспешно пытался высвободиться из хватки громилы полицейского, который, к сожалению, обладал недюжей силой. Он пробормотал что-то о том, что Эрнест сглупил, попавшись с хулиганами, его голос был на удивление мягким. Никаких расистских оскорблений или злобных угроз. Какое облегчение. Значит, в Шанхае его не посадили бы в тюрьму из-за его религии, но в этом новом городе, где Эрнест был решительно настроен строить свое будущее, он предпочел бы вообще не попадать за решетку.

Нужно было быстро что-то придумать. Они сворачивали на многолюдную улицу, где в многочисленных лавках продавались банки с солёными огурцами и пакеты с жареными каштанами и сушеными грибами, а прохожие в длинных одеждах, лавирующие между велосипедами, экипажами и одноколесными фургонами, толкали его из стороны в сторону.

– Сэр, а как они называются? – Эрнест кивнул головой в сторону тощего парня, который пробежал мимо них, таща за собой два шеста, прикрепленных к транспортному средству, похожему на детскую коляску. Его вопрос был своего рода отвлекающим маневром. Он уже видел такие перевозные средства раньше, водители которых обильно потели в то время, как их клиенты сидели, скрестив ноги с таким видом, будто это была самая приятная поездка. Такой вид транспорта был, пожалуй, самым необычным из всех зрелищ Шанхая. Эрнест испытывал жалость к тягальщикам, людям-волам.

– Рикши. – Сикх повел его прочь. – Недавно в Шанхае? Нам сюда.

– Вы кажетесь хорошим человеком, сэр. Простите меня за это. – Он с силой пихнул сикха в грудь, вырвался и побежал прочь, миновав экипаж, ряд повозок с рикшами, а следом и еле плетущегося мужчину, который нес шест с двумя корзинами по бокам, в каждой из которых сидело по малышу. Позади Эрнеста раздался крик: преследовавший его сикх налетел на корзину, уронив детей на землю. Пробормотав извинения, Эрнест помчался мимо двухэтажного красного автобуса и метнулся в переулок позади здания в стиле ар-деко. Возле дома из красного кирпича он оглянулся назад, полицейского нигде не было видно.

Эрнест одернул пальто, провел пальцами по волосам – он потерял свою шляпу – и надел на изуродованную шрамами руку перчатку, которую снял ранее, чтобы поприветствовать менеджера отеля. Его не волновала мода, но перчатка была единственным аксессуаром, с которым он не мог расстаться. Без нее он часто чувствовал себя обнаженным на публике.

Обернувшись еще раз, чтобы убедиться, что за ним никто больше не гонится, он влился в толпу прохожих. Первый опыт поиска работы оказался не очень удачным. Ерунда. Он должен попробовать снова.

Эрнест Рейсмани, бежавший из нацистской Германии еврей, только несколько часов назад прибыл в Шанхай на итальянском океанском лайнере. После того, как его перевезли с пристани в жилой дом на Пешеходной набережной, являвшийся временным пристанищем для еврейских беженцев, Эрнест оставил свой чемодан на двухъярусной кровати со своей сестрой, Мириам, и, не став переодеваться, отправился на поиски работы.

Он не хотел терять время. Двадцать рейхсмарок, все, что ему позволили вывезти из Германии, были потрачены. Он собирался как можно быстрее найти работу, а затем поселиться в квартире, чтобы обеспечить Мириам крышей над головой.

Он сразу же направился в отель Сассуна, который располагался на оживленной набережной, где пришвартовался океанский лайнер. Эрнест слышал, что богатый британец проявил неслыханную щедрость, бесплатно выделив целый этаж своего жилого дома на Пешеходной набережной беженцам, чтобы они могли встать на ноги в этом чужом городе. Но Эрнесту не удалось встретиться с этим человеком, только с менеджером отеля, который пристально посмотрел на него сквозь очки и заявил, что они не нанимают. Испытав разочарование, Эрнест двинулся через вестибюль к выходу, когда заметил, как эти мерзавцы швырнули в девушку бутылками. Он бросился на помощь, воспоминания о погромах, боли и насилии были еще свежи в его памяти.

Он никогда не встречал китайнок в Берлине. Сегодняшняя девушка была обворожительным, прекрасным созданием. У нее было овальное лицо, безупречная бледная кожа, выразительные черные глаза, маленький носик и красные губы. Короткие волосы достигали плеч, а ровно подстриженная и тщательно уложенная челка обрамляла лицо. Похоже, она была его ровесницей, но ее манеры отличались утонченностью и сдержанностью, граничившей с замкнутостью.

Он всем сердцем надеялся, что увидит ее снова.

Почувствовав внезапное одушевление, Эрнест оглянулся по сторонам. Он стоял перед пятиэтажным зданием в стиле ар-деко рядом с классическим зданием, украшенным статуей греческого бога и неоклассическим огромным домом, увенчанным куполом. А всего в нескольких футах возвышался отель Сассуна с зеленой пирамидой. Похоже, во время своего побега он снова вернулся в оживленный район набережной. Эрнест двинулся вперед, внимательно рассматривая надписи на зданиях на французском, датском, итальянском и английском языках. Здесь располагались международные банки, американские компании по продаже алкоголя, британские табачные синдикаты и датские телеграфные фирмы. Некоторые компании вывели на стены звезду Давида. Он улыбнулся, вспомнив, как пассажиры на океанском лайнере рассказывали о евреях, которые прибыли в Шанхай, чтобы разбогатеть, еще в одна тысяча восемьсот сорок третьем году, после того как Британия разгромила китайскую династию Цин по время первой Опиумной войны. А когда в России вспыхнула большевистская революция, многие русские евреи бежали в Шанхай, опасаясь преследований.

Тот факт, что его собраты добились успеха в Шанхае, придавал ему еще большей уверенности. Несомненно, он смог бы здесь заработать себе на жизнь. Безусловно, не обошлось и без затруднений: он не понимал языка, никого не знал в Шанхае, а также не имел опыта в банковском или инженерном деле, хлебопечении или торговле. Он любил фотографию и фортепиано, но фотография была его хобби, и несколько лет назад он отказался от игры на фортепиано. Но Эрнесту было всего девятнадцать, и он был готов на все, чтобы выжить.

Он решил попытать удачу в цирюльне позади здания с греческим богом. На двери висела надпись на русском языке, а на окне красовался выцветший плакат с изображением Рош Ха-Шаны – его народ, хотя бы. Эрнест вошел внутрь. В помещении было пять пустых стульев, и усатый цирюльник средних лет, державший метлу, как топор, сердито посмотрел на него. Прежде чем Эрнест успел что-либо спросить, цирюльник закричал:

– Убирайся из моей цирюльни.

Ошеломленный Эрнест попятился назад, следом донеслось едва уловимое ворчание:

– Беженцы. Крысы!

Как только его не называли, но это было что-то новенькое. Эрнест пожал плечами и пошел дальше в поисках работы. Он заходил в лавку за лавкой, предлагая свои услуги в качестве клерка русскому владельцу скобяной лавки, грузчика французскому бизнесмену в магазине кожи и меха, а потом посудомойщика, полировщика инвентаря, обжарщика рыбы или кого угодно. Никто не хотел нанимать его. Он покидал лавки с опущенной головой. Эрнест

был вынужден уехать из своего дома, потому что был евреем, и вот после того, как пересек океан и оказался на чужбине, его снова прогоняли за то, что он беженец.

Глава 4

Айи

По дороге в свой клуб, скользя взглядом по проплывающим за окном машины зданиям из красного кирпича и виллам с красной черепицей, я думала о голубоглазом иностранце. Он казался непохожим на напавших на меня мужчин. Я предполагала, что его арестовали из-за того, что он был со мной – полицейский-сикх, должно быть, понял, что я стала жертвой, но ему пришлось устроить показательное представление, чтобы убажить этих ублюдков. Арест молодого человека был несправедливым. И все же, таким стал Шанхай – городом таким далеким от правосудия и таким близким к тюрьме.

Кем был этот человек? Почему он решил помочь мне? Разве он не знал законов Шанхая?

Шанхай, мой дом, мой город, после череды войн больше не был моим. Теперь он принадлежал иностранцам из различных стран. Британцы, разгромившие нас столетие назад, контролировали богатое и процветающее международное Поселение совместно с американцами, а французы строили свои виллы во Французской концессии. Японцы, вооруженные устрашающими истребителями и винтовками, являлись новоиспеченными победителями. На протяжении многих лет они укрепляли свое влияние и обосновывались в районе Хункоу, к северу от реки Хуанпу. Там они играли в бейсбол в парке и укомплектовывали персонал больниц своими женщинами и солдатами из Японии. А теперь еще расхаживали по нашим улицам и спали в домах, которые захватили. Мы, шанхайцы, побежденные, были бессильны. Многие потеряли свои дома в Старом городе, к югу от международного Поселения. Только нескольким счастливицам, таким как моя семья, удалось сохранить дома своих предков, а многие другие теснились в тени зданий в стиле ар-деко или разбрелись по рисовым плантациям и кишасшим комарами полям на севере и западе.

Сегрегация населения не являлась законом, но предрассудки распространялись как болезнь. Все мы сторонились друг друга. Мы, китайцы, ухаживали за своими больными дома, а иностранцы лечили своих больных в своих больницах. Мы обедали в своих двориках, европейцы пили в своих кофейнях, а японцы питались в своих ресторанах, отделанных татами.

Я поддерживала дружбу с такими людьми, как Сассун, и общалась с ними, поскольку это было необходимо для моего бизнеса; мы периодически пили бренди, смешанное с новыми интересами и старыми обидами. Я понимала, что рискую, вращаясь в их обществе. Ничего удивительного, что я подверглась нападению, но получить помощь от белого мужчины, совершенно незнакомого человека, стало для меня большой неожиданностью.

Мой «нэш» свернул на Бабблинг-Уэлл-роуд и остановился на улице, засаженной платанами с голыми ветвями. Я вышла из машины, плотнее запахнула свое норковое пальто, защищаясь от зимнего холода, и направилась к внушительного вида трехэтажному зданию в стиле ар-деко с изысканным круглым выступом из белого камня. Воздух вибрировал джазовыми мелодиями, началась вечерняя импровизация. В вечерних сумерках, которые постепенно поглощали город, ночной клуб «Тысяча и одно удовольствие», увенчанный хрустальным куполом с элегантным флагштоком, ярко сиял красными неоновыми огнями. Это был первый элитный ночной клуб в Шанхае, воплощение роскоши и красоты, который при его открытии вызвал зависть у самого Сассуна.

И он был моим.

* * *

Я вошла в здание, в атриуме с высокими потолками меня приветствовал хор голосов. Я кивнула посыльным и владельцам ресторанов, которые арендовали помещения на первом этаже, пересекла мозаичный пол и поднялась по мраморной лестнице в банкетный зал на втором этаже. На лестничной площадке один из вышибал открыл массивные деревянные двери моего клуба, и я ступила внутрь. Мгновенно до меня донеслись звуки музыки и голоса посетителей, и окутал знакомый газообразный пар, насыщенный импортными сигаретами, дорогими ароматами и резким запахом алкоголя. По привычке я осмотрела помещение: восемнадцать тысяч сверкающих лампочек, кропотливо вкрученных в сводчатый золотистый потолок – зрелище, которое никогда не переставало вызывать благоговейный трепет у новичков – круглую танцевальную площадку из тикового дерева, горящую огнями, музыкальный оркестр на занавешенной сцене, расположившихся по углам посетителей и витую лестницу из кованного железа, которая вела на третий этаж.

К счастью, никто не жаловался по поводу алкоголя.

Я протянула свое пальто гардеробщику, обогнула танцевальную площадку и направилась к бару. На сцене заиграл оркестр. Сначала раздались звуки контрабаса, струясь в воздухе словно черная патока. Затем запульсировала барабанная дробь, игривая, как ласки любовника. А следом зарядом чистой энергии заголосила труба. Темные фигуры вскочили в полумраке и поспешили к танцполу. Вращаясь и раскачиваясь, они дрыгали ногами, черные костюмы и блестящие вечерние платья кружились в море нефритово-зеленого, винно-красного и имбирно-желтого цветов. В банкетном зале было все, что желали любители развлечений: музыка, ласкающие слух голоса и всевозможные удовольствия – свободные, темные, интимные, как жаркое дыхание.

Моими посетителями были китайцы, и многих из них я знала: молодых людей в отглаженных пиджаках и брюках, современных девушек в кожаных туфлях и облегающих платьях, толстобрюхих бизнесменов, которые совсем недавно удвоили свое богатство каким-то сомнительным способом, архитекторов в очках, получивших образование в западных университетах и даже мистера Чжана, гангстера, имевшего привычку крутить в руке складной нож. Сюда также приходили националистские перебежчики, прислужники японцев, анонимные наемные убийцы и коммунистические шпионы.

Все они посещали мой клуб по своим причинам, но мне хотелось думать, что они желали послушать джаз, иностранную музыку любви и страсти, которую пуритане осуждали, как эротичную и пошлую, а также вальс и танго, высмеянные традиционными стойками, как нечто аморальное и непристойное. И самое главное, у них у всех были деньги. Ибо развлечения в моем клубе были не из дешевых: час пребывания стоил дороже, чем обед для многих семей, а выпивка – больше, чем недельная зарплата для многих рабочих. Но как еще в поверженном Шанхае, где многие предприятия закрылись, свирепствовали болезни, на улицах происходили ежедневные перестрелки, обезглавливания и убийства, можно было почувствовать себя живым, кроме как танцевать и петь со всей душой?

Я постукивала ногой по тиковому полу и слегка покачивала бедрами и руками, чтобы никто не заметил. Я обожала джаз и любила танцевать, но являясь владелицей ночного клуба, я научилась проявлять огромную сдержанность в своей страсти, чтобы избежать нежелательных приставаний. Поэтому я никогда не пела, не напевала себе под нос и не танцевала одна на танцполе.

Посетители выкрикивали мне:

– Добрый вечер, мисс Шао.

– Вы прекрасно выглядите, мисс Шао. Где мое любимое виски, которое вы мне обещали?

– Вы уже получили мое бренди, мисс Шао?

Я приняла позу, демонстрируя красивую фигуру, которая притягивала взгляды и помогала посетителям тратить больше денег. Будучи молодой женщиной, владеющей бизнесом в мире, где правили мужчины, я научилась сохранять баланс, одновременно привлекая внимание посетителей и ненавязчиво отталкивая их. У меня хорошо получалось создавать впечатление доступности, не поощряя их заигрывания.

– Разве вы мне не доверяете? Конечно же, я достану алкоголь. Скоро, очень скоро.

Затем, кивнув группе отдыхающих за столом и помахав танцующим на танцполе, я села у барной стойки. При мерцающем свете я посчитала бутылки на полках. Шестнадцать. Это все, что у меня осталось. Включая дешевое местное рисовое вино, немного газировки и остатки джина. Этого хватит на три, самое большее, пять дней. После чего у меня не останется запасов, а на рынке уже несколько месяцев назад закончилась газировка, сорговое вино, пиво, джин и все виды виски.

В прошлом году дела в моем ночном клубе стали ухудшаться, и я надеялась поддерживать свой бизнес за счет продажи алкоголя. Теперь я не знала, что делать. Я никогда не представляла, что мне придется столкнуться с такого рода проблемами. Три года назад, до войны, я считалась самой богатой наследницей в Шанхае благодаря наследству, оставленному моей матерью, и я никогда не думала, что стану управлять джаз-клубом, поскольку такие как я не были рождены для работы. Но японцы разбомбили город, а трусливая националистическая армия не смогла нас защитить. Одержавшие победу, жадные японцы захватили город, заморозили мой банковский счет и конфисковали состояние моей семьи. Я стала бедной – я была ошеломлена. Я никогда не думала, что мне придется работать, но, чтобы выжить, мне пришлось научиться зарабатывать деньги.

Доведенная до отчаяния, я отказалась от своих планов поступить в колледж и обратилась к своему двоюродному брату, бывшему акционеру этого в то время обанкротившегося джаз-клуба. Я продала свои драгоценности, приобрела по дешевке этот бизнес и облачилась в длинное, облегающее платье с разрезом до бедра. Я научилась умножать двузначные цифры в уме. Я носила в своей сумочке светло-розовую приходо-расходную книгу, чтобы отслеживать ежедневные расходы. Когда я сталкивалась с похотливыми мужчинами, которые любили распускать руки, я редко кричала, вместо этого изобрела игру на выпивку и часто составляла им компанию, чтобы подстегивать их тратить деньги на алкоголь. Этот клуб, этот бизнес был всей моей жизнью.

Оркестр закончил играть, и толпа, покачиваясь, покинула танцпол, устремившись к бару и ко мне. Поднялась волна стонов.

– Что? Бренди нет? Идем в «У Киро».

«У Киро», ночной клуб Сассуна, тоже обслуживал местное население. Это был один из многих конкурентов, с которыми я сталкивалась, среди них несколько дискотек во Французской Концессии, которые завлекали посетителей экзотическими русскими танцовщицами, и дюжина небольших местных клубов с низкой входной платой.

Я взяла стакан с барной стойки.

– Кто хочет сыграть в игру с выпивкой?

– Простите, мисс Шао. Нам нужны хорошие виски и бренди, – ответил мистер Чжан, гангстер, крутящий в руке нож.

– У меня есть бренди.

– У вас уже месяц как нет хорошего алкоголя.

Он направился к выходу со своими людьми. Несколько посетителей, покачивая головами, последовали за ним. Музыканты оркестра сложили свои скрипки и трубы на колени и посмотрели на меня.

– Давайте послушаем что-нибудь из Дюка Эллингтона. – Я махнула им рукой, коснувшись своего болезненного лба. У меня оставалось лишь два варианта: либо позволить своему бизнесу нести убытки, либо снова навестить Сассуна.

Глава 5

Эрнест

Вестибюль жилого дома на Пешеходной набережной слабо освещала лампочка в углу, отбрасывая жёлтые блики на металлические двухъярусные кровати, протянувшиеся от стены до стены. Между ними вместо занавесок висела какая-то клетчатая ткань. Где-то дребезжала решетка радиатора; воздух был спертым и влажным, но Эрнест привык к этому. Он тихо прошёл между кроватей, стараясь не наступать на пальто и шляпы, разбросанные по полу. В коридоре люди ютились на сложенных в кучи чемоданах, и отличить одних от других было сложно. Дважды он спотыкался о локти, пока, наконец, не добрался до тускло освещённого банкетного зала, где стояла его двухъярусная койка.

Мириам спала на втором ярусе, их чемодан стоял у ее ног. Эрнест лег, прислушиваясь к различным звукам, раздававшимся вокруг: мокрому кашлю, напряженным вздохам, приглушённым рыданиям и ворчливому голосу женщины, говорившей по-немецки: «Как же нам выжить в этом чужом городе?» Он ощущал невероятное напряжение, исходившее от окружающих его людей. Ему сказали, что на первом этаже здания набилась по меньшей мере тысяча евреев. Некоторые из них были немцами, большая часть – австрийцами, прибывшими в Шанхай на океанских лайнерах. Германия напала на Польшу, когда Эрнест уехал из Берлина в Италию, чтобы сесть на океанский лайнер, который они с Мириам ждали шесть месяцев. Теперь ходили слухи, что Германия завоевала Польшу, а Франция с Британией объявили ей войну. Эти разговоры угнетали, но он мог убедиться в их правдивости только, прочитав газету или послушав радио.

Путешествие из Италии до Шанхая заняло почти месяц. Они остановились в Порт-Саиде, прошли через Суэцкий канал и Аденский залив, повернули на восток и, наконец, достигли Шанхая. Дни, проведенные на океанском лайнере, были временем роскоши и надежды. Да. Он смог бы это сделать, смог бы начать новую жизнь в Шанхае, защитить Мириам и дождаться родителей, которые остались в Германии. Но прибыв на место, он понял, что ему нужен план. Эрнест знал, что Шанхай находился в японской оккупации, но он и представить себе не мог, что город был в таком бедственном положении. Река Хуанпу, где швартовалось множество кораблей, напоминающих по форме банан, яликов, траулеров и парусных лодок, представляла собой желтый канал, загаженный переливающейся нефтью и кусками мусора. На другом берегу, за многоэтажками и зданиями в стиле ар-деко, виднелись разрушенные бомбами дома, темные, похожие на норы переулки и низкие лачуги без окон. Весь город пропах невыносимой вонью и тонул в какофонии автомобильных гудков и резкого скрипа деревянных колес рикш. Велосипеды, фургоны, автомобили и экипажи лавировали на улицах между истощенными рикшами, попрошайками с ампутированными конечностями и кашляющими китайскими беженцами с болезненно-желтой кожей и опустошенным взглядом.

Но это был самый прекрасный город во всем мире. Здесь не было ни отвратительных флагов со свастикой, ни проклятых нацистских мундиров, ни немцев, угрожающих ему арестом. Оккупированный Шанхай являлся единственным портом, открытым для евреев, единственным городом, который принял его без въездной визы. Этот город был его мечтой, а Берлин – ночным кошмаром. Он не собирался возвращаться до тех пор, пока Гитлер не падет.

– Эрнест! Где ты был? – Мириам выглянула с верхней койки, покусывая ремешок своей шапки-ушанки. Эту бежевую шапку из овечьей шерсти она выбрала себе на океанском лайнере в качестве сувенира. Шапка была мальчишеской, но ей она понравилась.

– Я думал, ты спишь. Я ходил искать работу.

– Нашел что-нибудь? – Огромные глаза Мириам засветились надеждой. – Я голодна, и смогла бы съесть дюжину пфанкухенов¹.

– Пока нет. Но не переживай, я найду работу. – И когда это произойдет, он сможет купить ей все, что она захочет. Двенадцатилетняя Мириам была замкнутой девочкой. Он играл с ней в волчок, когда она была совсем маленькой, и тащился по колено в снегу, чтобы купить ей пфанкухенов – ее любимый завтрак. После Лии он поклялся, что будет хорошо заботиться о Мириам.

– Эрнест, Комитет Комора искал тебя, – сказала Мириам невинным голосом, в котором звучали нотки страха, они начали проявляться с момента их отъезда из Берлина.

– Они сказали, что наши койки будут переданы прибывающим беженцам. Нам нужно съезжать. У нас есть пять дней.

Комитет, добровольческая благотворительная группа, организованная местными евреями, подобрала их на пристани и привезла в это здание, приемный центр. Ему казали, что их пребывание будет временным. Но пять дней...

Эрнест повернулся на бок и положил голову на руку. Внезапно его охватила усталость, и все мужество и оптимизм, которые он изображал на океанском лайнере, испарились. Он закрыл глаза. Это просто усталость. Ему просто необходимо было хорошенько выспаться.

На следующее утро он чувствовал себя еще хуже. Голова раскалывалась, ноги ужасно болели, и, слушая бесконечный шум и нескончаемые жалобы вокруг, его накрыло волной пессимизма – ему никогда не найти работу в этом городе. В конце концов он встал и порылся в чемодане в поисках зубной щетки и пасты с океанского лайнера, проведя руками по своим пожиткам: драгоценному фотоаппарату фирмы «Лейка», ручке «Монблан», стопке нотных листов, которые он вытащил из-под ботинка члена молодежной организации «Гитлерюгенд», их с Мириам одежде и паре перчаток, которые упаковала его мать.

Очередь в туалет была длинной. Многие люди с мрачными лицами держали в руках фляги и жестяные коробки, чтобы наполнить их водой. В отражении оконного стекла Эрнест увидел свое собственное заросшее щетиной лицо, с таким же выражением отчаяния, как и у всех остальных. Он отвернулся, желая, чтобы очередь двигалась быстрее, поскольку его мочевой пузырь был полон. Но прорваться без очереди было совершенно исключено. И вот, в течение долгого часа он неподвижно стоял, затаив дыхание, пока его мочевой пузырь расширялся, наполняясь еще больше и вызывая боль. Кто знал, что, сбежав от войны в Европе, он столкнется с такими человеческими страданиями? И на что бы только он ни согласился ради свободной кабинки, чтобы облегчиться! Когда он уже был уверен, что умрет недостойной смертью от разрыва мочевого пузыря, настала, наконец, его очередь воспользоваться туалетом.

Он мог поклясться Богом, что это был самый блаженный момент в его жизни – расслабиться, выпустить каждую каплю, которая причинила ему столько боли. Облегчившись, он стоял у умывальника, чтобы вымыть руки, и ему казалось, что он заново родился – новый человек, освобожденный от бремени, неуязвимый. Он начал напевать себе под нос.

– Вот как. Шопен в общественной уборной, – пробормотал рядом с ним старик в фетровой шляпе.

Эрнест широко улыбнулся.

– Мы с вами не встречались на океанском лайнере, сэр? Меня зовут Эрнест Рейсманн.

– Карл Шмидт. Вы уже готовы убраться отсюда? Здесь так многолюдно.

– Как только найду работу. – Эрнест выдавил немного зубной пасты и начал чистить зубы. Он рад был бы поболтать еще немного, но люди позади него ожидали своей очереди к умывальнику.

¹ Пфанкухен (с нем. Pfannkuchen) – блинчики, оладьи.

– Чем вы занимаетесь? Вы – пианист?

– О, нет. – Он сохранил свои партитуры, все еще помнил, как играть «Ноктюрн до диэз минор» Шопена по памяти, но он забросил игру на фортепиано много лет назад. Сейчас мистер Шмидт заставил его задуматься. Несомненно же люди в Шанхае слушали музыку?

– Могу я одолжить вашу зубную щетку, Эрнест? Я верну ее вам. Мою украли. Да, мою зубную щетку! Никому тут не доверяйте. Люди в полном отчаянии, – сказал старик.

Эрнест быстро дочистил зубы и протянул свою единственную зубную щетку старику.

– Вот возьмите, мистер Шмидт. Пожелайте мне удачи. На самом деле, я пианист.

Глава 6

Айи

Я настороженно остановилась у вращающейся двери, осматривая вестибюль, откуда сбегала несколько дней назад. В памяти всплыли воспоминания о нападении и аресте голубоглазого мужчины, и меня передёрнуло. Затем я увидела британца, который, прихрамывая и опираясь на украшенную серебром трость, направился прямо ко мне.

Сэр Виктор Сассун был высоким мужчиной с черными глазами, густыми седеющими бровями, аккуратно подстриженными усами и вытянутым лицом. Одетый с иголки в черный костюм с белой гвоздикой, приколотой к лацкану фрака, и черным атласным цилиндром, он выглядел негибким, словно железный прут, не очень привлекательным и слишком старым, чтобы быть моим другом. Но какое это имело значение? Он был самым богатым человеком в Азии, по всей вероятности, миллиардером и владельцем более восемнадцати тысяч объектов недвижимости в Шанхае, включая этот отель, ночные клубы, высотные многоквартирные дома, ипподром и транспортные компании.

В свои пятьдесят девять он все еще был холостяком, жил по своим собственным правилам и оставался глух к расовым предрассудкам. Он игнорировал хмурые взгляды своих коллег и несмотря на то, что сам не мог танцевать, открыто приглашал меня на свои многочисленные вечеринки и балы, гости которых предпочитали шелковые наряды и удушливые ароматы духов. Он считался любителем женщин и менял своих спутниц чаще, чем я меняла свои платья – индийская принцесса в тюрбане, украшенном драгоценными камнями, американская кинозвезда с кукольным личиком и множество полуобнаженных русских танцовщиц с роскошными телами. Он с гордостью щеголял ими в отеле.

Я с облегчением положила руку на талию. Никто не посмеет напасть на меня в его присутствии. Люди уважали его, даже японцы. Когда чуть больше двух лет назад во время бомбардировки угол козырька его отеля задело шрапнелью, японский офицер низко поклонился Сассуну, извиняясь за осечку.

– Добрый вечер, дорогая. Очень рад видеть вас. Я собирался вам позвонить. Как у вас дела? – произнес он своим безупречным британским акцентом, его голос был дружелюбным, уверенным, но как всегда высокомерным. Я к этому привыкла.

Мы редко вели с ним бизнес, но я хорошо его знала, поскольку часто гостила в его отеле со своей лучшей подругой Эйлин. В те времена, будучи подростками, мы заказывали завтраки в постель, проводили дни за просмотром модных журналов, лакомились золотистой выпечкой во время послеобеденных чаепитий, а наши вечера были наполнены частными джазовыми концертами – как же я по ним скучала. Сассун иногда был великодушен, иногда язвительным и совершенно высокомерным, но он мне нравился. Он отличался от китайцев, которых я знала. Несмотря на постоянные жалобы на боль в ноге, он придержал для меня дверь, прежде чем я вошла, пододвинул стул, прежде чем я села, и наполнил мою чашку кофе. Такое его поведение мне казалось необычным. Ченг – мой жених – и все мои родственники не соизволили бы наполнить свои собственные чашки; для этого у них были слуги.

Я не сомневалась, что Сассун поможет мне – у него имелся большой запас джина и виски, поскольку японское ограничение на алкоголь распространялось только на китайцев. Но, увидев его лицо, я вспомнила о его странной страсти к фотографиям обнаженной натуры.

– Я в порядке, сэр Сассун. Что касается нашей несостоявшейся встрече на днях. Приношу свои извинения. Но я полагаю, вы слышали, что произошло?

– То происшествие. В высшей степени возмутительно. Вы позволите мне загладить свою вину, дорогая? – Постукивая тростью по мраморному полу, он повел меня в «Джаз-бар». За ним последовала его свита – белокурая дама в синем вечернем платье и его телохранители.

– Каким образом вы могли бы загладить свою вину передо мной? – Я вошла в бар. Граммофон играл шанхайский джаз, смесь американского джаза и китайской народной музыки, популярной среди местных жителей, а не американский джаз. Дела в баре, должно быть, шли не очень. Сцена, где обычно играла американская группа, была пуста; откидная крышка фортепиано закрыта. А в баре было накурено и шумно, люди толпились вокруг восьмиугольных столов. Все иностранцы. Мне пришла в голову одна мысль. Человек, который спас меня, мог быть постояльцем отеля. Если бы я увидела его снова, мне стоило, по крайней мере, выразить свою благодарность.

– Дорогая, я буду рад предоставить вам скидку на любой номер по вашему выбору. Напомните мне, когда вы в последний раз останавливались здесь? В прошлом году? Вам следует приезжать почаще. – Сассун сел за ближайший ко входу столик – он не любил много ходить, – поэтому я расположилась напротив него, откуда могла с завистью смотреть на все блестящие бутылки бренди, скотча, абсента и джина на полках.

Даже в своих попытках окупить расходы, он все равно рассчитывал зарабатывать деньги. В этом мы с Сассуном были похожи: мы были бизнесменами с инстинктом наживы.

– Я с удовольствием подумаю над этим. Вы же знаете, насколько я без ума от номеров люкс. И вашего алкоголя. Только посмотрите на эти бутылки!

– А! Вы можете заказать все, что захотите, дорогая. Чем могу вас угостить? Мартини? Или моим коктейлем?

– Как я могу отказаться от вашего знаменитого коктейля. – В его баре подавали самый вкусный алкогольный напиток, под названием «Поцелуй кобры».

– Хороший выбор, дорогая. – Он подал сигнал своему персоналу. Двое бросились к полкам с алкоголем за барной стойкой. – Я распорядусь, чтобы завтра для вас зарезервировали «Якобинский» люкс, если хотите. Не забывайте, двери моего отеля всегда открыты для вас.

– Но мир изменился. Разве нет? Поверить не могу, что он больше не безопасен.

– Дорогая, мой отель самое безопасное место в Шанхае. И вы моя самая почетная гостья. Вы необыкновенная женщина, прагматичная и красивая. Признаюсь, если бы вы были еврейской, я взял бы вас в жены.

Он всегда говорил об этом – о евреях и неевреях. Я не видела разницы, поскольку для меня все они были иностранцами. Но брак с самым богатым человеком в Азии? Я была бы более чем счастлива принять это предложение, если бы оно было искренним и реалистичным. В конце концов, супруги могут испытывать пылкие чувства друг к другу или быть абсолютно равнодушными, но брак такая же неотъемлемая часть нашей жизни, как и еда.

Но союз с Сассуном никогда бы не состоялся. Поскольку я знала, что брак между китайцем и иностранцем стал бы поучительным уроком, а не сказкой.

– Сэр Сассун, вы меня соблазните?

– У меня получается?

– Сомневаюсь, но серьезно. Если бы вы были китайцем, я бы вышла за вас замуж.

Он усмехнулся. Отказы были для него редкостью, и это интриговало.

– Какое разочарование, дорогая. Я очень надеюсь, что вы передумаете. – Он взял бутылку абсента из рук своего работника, налил зеленую жидкость в миксер и умело встряхнул ее.

Я смотрела на бутылки бренди, кюрасао, сливок и зеленого абсента на столе; сильный запах алкоголя был опьяняющим.

– Между нами говоря, сэр Сассун, у меня возникли трудности с выполнением заказов моих посетителей. В моем клубе нет алкоголя. Я уверена, вы знаете по какой причине.

Краем глаза я заметила нескольких мужчин в костюмах. Японцы, которых я узнала с одного взгляда, подняли головы в мою сторону. Я быстро отвела глаза.

Сассун наклонился ко мне и тихо произнес:

– Эти военные. Они втерлись в доверие к Совету. Я их презираю.

За эти слова я закрыла бы глаза на все его недостатки.

– Что у них за дела в Совете?

Сассун, влиятельный человек, был вхож в кабинет председателя Муниципального Совета Шанхая, руководящего органа Поселения, который состоял из британцев, американцев, японцев и китайцев, но в значительной степени контролировался британцами и американцами. Когда японцы захватили Шанхай, они не тронули Поселение, и Совет по-прежнему находился под контролем тех же членов. Сассун наполнил два бокала на ножках зеленым коктейлем и поставил один передо мной.

– Какое-то очень досадное дело. Но они не посмеют сделать ничего глупого.

– Конечно, они не посмеют. – Я подняла свой бокал. От первого глотка у меня остро защипало язык. Крепкий бренди. Уже несколько месяцев я не пробовала ничего подобного. Он хорошо продавался бы в моем клубе. – Я хочу попросить вас об одолжении. Не могли бы вы продать мне немного своего алкоголя? Скажем, джин и виски? По десять ящиков каждого. Или любое другое количество, с которым вы готовы расстаться.

Он наклонился ближе, подплечник его прекрасного костюма коснулся моего плеча.

– Дорогая, я буду счастлив помочь вам. Но что вы скажете, если сначала заглянете ко мне в студию?

Я отпрянула назад. Он не забыл.

– Ну, дорогая. – Он налил себе еще немного «Поцелуя кобры». – Позвольте мне напомнить вам еще раз. У вас идеальная фигура, вы молоды и красивы. Почему бы не показать это? Фотография обнаженной натуры – это искусство.

Это было неловко. Для меня фотография обнаженной натуры, независимо от того, что он называл это искусством, была просто еще одним названием порнографии. Я бы никогда на это не согласилась, ни за какие деньги, и уж точно не за какой-то там джин. У меня также возникло ощущение, что Сассун интересовали не только мои фотографии, учитывая, каким бабником он был. Но я была женщиной с высокой нравственностью. И хотя я была не против потанцевать с ним танго в бальном зале, я не стала бы кувыркаться с ним в спальне.

Однако, если бы я открыто отказала ему, вызвав тем самым его неудовольствие, я могла бы с таким же успехом забыть об алкоголе.

– Ну так что? – Его черные глаза оказались близко, слишком близко.

– Дайте-ка подумать, сэр Сассун. – улыбнулась я. – Вы самый богатый мужчина в Азии, конечно же, вы всегда получаете, что хотите.

– Именно так.

Как и я.

– К сожалению, я – деловая женщина, а не модель.

Он тяжело вздохнул, хлопнул ладонью по украшенной серебром трости и недовольно скривил губы. Я знала, что какое-то время он будет пребывать в плохом расположении духа, поэтому собиралась немного подождать, потом задобрить его, а затем договориться об алкоголе. Я вытянула ноги, повернула голову в сторону и именно тогда, сквозь дым сигарет и мигающие лучи света, увидела мужчину у входа в бар, который поднял руку в перчатке и помахал мне.

Глава 7

Эрнест

Это была та девушка, которой он на днях помог. Она посмотрела на него, в ее больших черных глазах отразилось удивление, лицо засияло от радости. Слегка повернувшись, она оперлась одним локтем на стол, демонстрируя стройную и соблазнительную фигуру, облаченную в длинное зеленое платье, которое было расшито изображениями бамбука, а разрез до бедра открывал взору полоску ее жемчужной кожи.

Он расправил плечи и направился к ней. Какое удовольствие увидеть знакомое лицо. Его поиски работы обернулись полным провалом. Кто бы мог подумать, что концертные залы, театры и кабаре закрыты? Работало всего несколько кинотеатров и танцевальных клубов, но как только он появлялся на пороге, двери перед ним закрывались.

Он узнал, что в Шанхае проживало около восьми тысяч британцев, двух тысяч американцев и еще несколько тысяч русских и других европейцев, а теперь еще город заполнили тысячи еврейских беженцев. Каждый день Эрнест проходил мимо европейских беженцев с мрачными лицами, которые раскладывали свои ценные вещи на улице, мимо укутанных в шали немецких домохозяек, продававших свои меховые шарфы или ожерелья русским женщинам средних лет, которые, казалось, обосновались в этом городе, и отчаявшихся австрийских мужчин, которые торговали сосисками и разносили их по домам. Эрнеста осенило – в разрушенном войной Шанхае с нескончаемым наплывом евреев и тысячами лишенных крова китайскими беженцами просто не осталось работы для такого новоприбывшего, как он.

Шел пятый день поисков работы, и он снова начал впадать в уныние. Но потом Эрнест услышал неповторимую ритмичную музыку, доносящуюся из отеля Сассуна, здания в виде зеленой пирамиды. Мелодия была похожа на американский джаз со слаженным хором трубы и фортепиано, но проникнутый плавным ритмом в исполнении нежного женского голоса. Почувствовав воодушевление, он взбежал по ступенькам на входную площадку и вошел во вращающуюся дверь, через которую выходил несколько дней назад. Следуя за музыкой, он миновал ярко освещенный магазин «Ролекс», кафе «Жасмин» и нашел источник – граммофон в «Джаз-баре». И прямо рядом с граммофоном было ее милое личико.

– Здравствуйте! Мы снова встретились, – сказал он по-английски, подойдя к ее столику. На ее лице расцвела улыбка.

– Вас выпустили!

– Я сбежал. – Она была все такой же прекрасной, утонченной и вела себя сдержанно, почти отстранено. Но она помнила его.

– Рада за вас.

– Как у вас дела? Надеюсь, вас никто не беспокоит?

– Нет. И я этому рада. Можете себе представить, подвергнуться нападению не один раз, а дважды?

В ее голосе звучали нежные женские нотки, как у джазовой певицы, которую он только что слышал. Эрнест улыбнулся, не в силах отвести глаз от ее алых губ, красивого лица и ярких глаз.

– Я надеялась увидеть вас снова, чтобы поблагодарить, – продолжила она. – Таких иностранцев, как вы, не так уж и много. Я благодарна вам за помощь. Что привело вас сюда? Вы постоялец отеля?

На самом деле ее голос был более мелодичным, чем у джазовой певицы.

– Что вы, нет. Я услышал музыку. – Она прекратилась. Мужчина в костюме склонился над граммофоном на стойке, в углу бара раздался чей-то окрик. Эрнест повернулся, чтобы посмотреть, и замер, охваченный трепетом. В тускло освещенном баре, окутанном сигаретным дымом, абсентом и заполненным темными мужскими фигурами, у сцены стоял самый дорогой для него инструмент – фортепиано.

– Вы с ним знакомы, дорогая? – спросил пожилой мужчина напротив нее. На лацкане его пиджака была приколотая свежая белая гвоздика, трость, похожая на королевский скипетр, покоилась рядом с его рукой. Похоже, он находился в плохом настроении, его взгляд был невеселым, почти враждебным.

– Сэр Сассун, когда на днях на меня напали в вашем отеле, этот человек помог мне. За его галантность он подвергся аресту, – ответила она.

Прямо перед ним сидел сэр Сассун – филантроп, третий баронет Бомбея, багдадский еврей. Эрнест улыбнулся, удача повернулась к нему лицом.

– Меня зовут Эрнест Рейсманн, сэр. Для меня большая честь познакомиться с вами. Надеюсь, это не слишком грубо с моей стороны, но вам не нужен пианист? У вас такой прекрасный «Стейнвей». Я только недавно прибыл в Шанхай и ищу работу.

Старик налил какую-то зеленую жидкость в стоящий перед ним бокал.

– Я рад, что вы помогли мисс Шао, молодой человек. Она мой хороший друг. Но все просят у меня работу. Вас так много, и вы продолжаете приезжать. Беженцы! Я покончил с благотворительностью. Я отдал вам свой дом на Пешеходной набережной, пожертвовал гранд в сто пятьдесят тысяч долларов владельцам малого бизнеса и помогал таким, как вы, в течение пяти лет до аншлюса! Теперь вы должны зарабатывать на жизнь самостоятельно. Древние китайцы были очень мудрыми. Они говорили: «Не давайте человеку рыбу, научите его ловить рыбу». Научитесь ловить рыбу, молодой человек.

Эти слова отрезвили Эрнеста, как холодная вода, волнительное головокружение исчезло. Он почувствовал смертельную усталость и боль в ногах, к счастью, урчание его пустого желудка прекратилось. Изо дня в день он сталкивался с резкими отказами и унижительными проклятиями от незнакомцев. А теперь еще и это.

– Конечно, сэр. Извините за беспокойство.

– Что ж. – Ее голос раздался снова. – Не уходите пока. Может, вы хотите что-нибудь выпить? – Она подняла свой бокал с коктейлем.

Он почувствовал комок в горле. При всей ее привлекательности, истинная ее красота была в том, что она относилась к нему с уважением. Да, он не отказался бы выпить что-нибудь крепкое, чтобы утолить все свои разочарования и собраться с мыслями, восстановить свое достоинство. Но у него не было ни гроша в кармане.

– Конечно. Что вы пьете? – спросил он.

– Поцелуй кобры, угощение сэра Сассуна.

Эрнест обратился к старику, ему все равно нечего было терять.

– Не возражаете, если я попробую ваш коктейль, сэр?

– Вы, конечно, можете сделать глоток, молодой человек, но как вы заплатите за него? – В голосе Сассуна сквозило раздражение.

Эрнест поднял стоявший перед ним бокал и залпом осушил его, прежде чем пожалел об этом. Крепкий и убийственно горячий коктейль обжог его горло, именно то, что было ему нужно.

– Я заплачу вам музыкальным произведением, сэр. Вы позволите мне сыграть?

Эрнест понял, что не нравится Сассуну по тому, как тот прищурился, и тут снова раздался ее голос.

– Я люблю фортепианную музыку, сэр Сассун. Я бы с удовольствием послушала.

– Ну играйте, тогда, если это угодно даме, – проворчал Сассун.

Эрнест опустил голову и направился к фортепиано. Его безрассудство предоставило ему шанс сыграть для нее, и только это имело значение. Он хотел сыграть хорошо, чтобы она запомнила его игру, запомнила его, прежде чем он покинет бар. Поскольку он до смерти устал и не знал, сколько ещё сможет выдержать.

Эрнест подошел к фортепиано, сел на скамеечку, снял перчатку и поднял крышку из красного дерева. Его обнаженные пальцы коснулись холодных клавиш, по руке побежала дрожь, и знакомые чувства страха и обиды, смешанные с гневом, вспыхнули в груди. Прошло почти четыре года с тех пор, как он последний раз прикасался к клавишам с тех пор, как у него отобрали фортепиано. Его руки, которые раньше энергично исполняли мощные арпеджио и плавные легато, ослабли от недостатка практики. Он снова оказался в кошмаре: рука, которую он боялся показать на публике, рубцы на коже и искривленный мизинец, кости которого были раздроблены и неправильно срослись.

Все, что он мог слышать, – это почти полная тишина в баре, сопение и пыхтение выпивающих посетителей. Он не мог видеть ее, но она слушала, наблюдала.

Его пронзило новое ощущение, пылкий прилив нежности, смешанный со знакомой болью. Эрнест сделал глубокий вдох, опустил плечи и устался на клавиатуру. Ноты Бетховена, Дебюсси и Шопена, подпрыгивая и звеня, пронеслись в его голове. Он больше не слышал толпу, не чувствовал запах сигарет, не замечал серебряные точки на крышке фортепиано. Он сидел в баре, но с таким же успехом мог стоять на вершине гор Гарц или в центре Лейпцигской площади.

Переполненный чувствами, он поднял руки.

Эта композиция была для нее.

Глава 8

Айи

Ноты прокатились по воздуху, сливаясь в невесомую, словно весенний туман, мелодию, затем постепенно переросли в волну нежных легато. Воздух бурлил фонтаном звуков, расслабляющих и успокаивающих меня, а потом ритм резко поменялся, вспыхнув страстным потоком стаккато, акцентов и арпеджио, накатывавших друг за другом. Атмосфера накалилась до бела, бар потонул в гулких аккордах. В голове металась противоречивые мысли, разгоряченное тело охватило неведомое мне прежде возбуждение. Мне нравилось находится там, быть плененной, подняться к самой вершине и разлететься на части. Но эта музыка была доброй, она не разрушала, а стремилась лишь к утешению, когда ее великолепные переливы замедлились, ослабли и превратились в едва различимые звуки такие же нежные, как капли, образовавшиеся после падения камня в объятия реки. Когда последние аккорды, наконец, растаяли в воздухе, воцарилась полная тишина.

Я выдохнула, не заметив, что задержала дыхание. Я слышала много разной музыки: энергичный джаз, который доводил танцоров в моем клубе до исступления, и меланхолическую народную музыку, которую играли уличные музыканты на трехструнных скрипках. Но не классические произведения, исполняемые на фортепиано. Эта западная музыка была обычно доступна только на грампластинках. Иностранец, спасший меня, был полон сюрпризов. Беженец. Смелый человек, выторговавший бесплатную выпивку у Сассуна, и пианист.

Люди аплодировали. Мне не терпелось подойти и поговорить с пианистом, но я уже поблагодарила его. Не было смысла общаться с иностранцем, если это не сулило никакой финансовой выгоды.

– Ну, дорогая, вот ваш Шопен. Возможно, теперь он оставит нас в покое. – Нахмурившись, сердито произнес Сассун.

– Всего минуточку. Вы не возражаете? – не подумав, сказала я и, лавируя между восьмиугольными столами и курящими мужчинами, подошла к пианисту. Его пальцы все еще скользили по клавишам плавными движениями.

– Вы отлично сыграли. Это стоило коктейля. Спасибо. Мне очень понравилось.

– Я рад. Что еще я могу сыграть для вас? – Он сделал кроссовер на более высокой октаве. Его изуродованная шрамами рука, казалось, отвлекала его, а скрюченный мизинец портил чистоту арпеджио. Но звуки фортепиано были поразительными. Ничего подобного им не существовало.

– Вы играли для меня?

– Конечно. Вы самая прекрасная девушка, которую я когда – либо встречал. Я сыграю для вас что угодно.

– Что угодно? – Я подразнила его. Люди постоянно флиртовали со мной, и я оставалась невозмутимой. С ним все казалось другим.

– Совершенно верно.

– Мне нравится джаз.

– Американская музыка? Я тоже ее люблю. Какая ваша любимая песня?

Никто никогда прежде не спрашивал меня о моей любимой песне, ни музыкальный оркестр, который я наняла, ни Ченг, ни мои братья, считавшие, что джаз развращает мою душу. «Хорошие девочки слушают свою мать, плохие девочки слушают джаз», – говорил мой брат, Синмэй. Я не могла удержаться.

– «Последняя роза Шанхая». Это шанхайский джаз, смесь американского джаза и китайской народной песни. Ее играл граммофон. Хотите послушать? Она звучит так. – Я напела мелодию, покачиваясь в такт. – Бывает такая любовь, которая поражает подобно молнии; она ослепляет вас, но в то же время открывает вам глаза, чтобы увидеть мир по-новому. Вот, вот. Это моя любимая строчка.

– Вот так?

Наклонившись вперед, он заиграл, и его пальцы затанцевали по клавишам. Синкопа, напор и плавное апассионато. Он понимал мою любимую музыку, знал, какие чувства она вызывала во мне. Забывшись в звучащем ритме, я постукивала ногой, покачивала бедрами и напевала себе под нос. И все это время я ловила его взгляд на себе, его желание, его открытую симпатию. Мое сердце бешено колотилось, а щеки зарделись румянцем. Я никогда не испытывала такого головокружительного счастья и увлеченности, словно была юным подростком.

– Эрнест, правильно? Я – Шао Аии. Зовите меня Аии. – Большинство людей обращались ко мне мисс Шао, только моей семье позволялось называть меня по имени, но мне было все равно.

– Аии?

– Нет. А-й-и-и, нисходящий звук, потом восходящий. Мое имя означает любовь и упорство. Ничего страшного, если вы не можете его произнести. Я также отзываюсь на Али, Хэйли, Мэйли и дорога.

Он рассмеялся, потом повторил мое имя с сосредоточенностью и решимостью, я устала на него, испытывая безмерную радость. И он играл что-то другое – «Summertime» Джорджа Гершвина. Но в технике, которую использовал Эрнест!

– Вы умеете играть в стиле «Страйд»?

Новый вид джаза. Я слушала его на этом самом месте в исполнении американской группы еще до войны. Это было невероятно ритмично и довольно провокационно. Пианист отбивал левой рукой ритм в четыре такта, в то время как группа играла мелодию.

– Я ведь пианист, Аии.

– Ах, да. – Как бы мне хотелось заполучить такого пианиста, как он в свой клуб. Я всегда мечтала познакомить своих посетителей со стилем «Страйд», который, несомненно, стал бы популярным. Но война нарушила все планы. Несколько китайских пианистов бежали из города, а фортепиано были конфискованы японцами вместе со многими домами. Я не могла найти на рынке ни одного инструмента для моего клуба.

Сассун что-то сказал, Эрнест поднял глаза, молча закрыл крышку фортепиано и встал.

– Спасибо вам, Аии. Спасибо, сэр. Было приятно познакомиться.

Я наблюдала, как он надел перчатку и покинул бар. Страсть и искрометность, которыми осветилось его лицо, померкли, и глубина его разочарования поразила меня. Как иностранному беженцу, ему не было места в этом городе, где многие люди, включая местных жителей, едва сводили концы с концами.

Когда я вернулась за столик Сассуна, то спросила его, не передумал ли он нанять Эрнеста. Сассун категорично замотал головой, сказав, что его американская группа, взявшая на данный момент отпуск, пользовалась большой популярностью в баре. Но он согласился продать мне двадцать ящиков джина и виски и снова напомнил мне зарезервировать номер.

Я подняла бокал, чтобы произнести тост. Двадцать ящиков алкоголя хватило бы, чтобы поддержать мой бизнес по меньшей мере в течение трех месяцев, даже четырех, если бы я проявила изобретательность. В конечном итоге, этот визит оправдал себя.

* * *

Позже, сидя в машине с покрасневшими от абсента щеками, я выглянула в окно. Мой «нэш» скользил по освещенным проспектам и темным переулкам, его двигатель гудел и урчал. Вдалеке доносилась слабая музыка из баров и клубов, резкий грохот поездов с железной дороги и прерывистые выстрелы с японской военной базы в районе на севере. Прошло несколько часов с тех пор, как я в последний раз слышала игру Эрнеста на фортепиано, но звуки музыки, образы его лица и танцевавших по клавишам пальцев кружились у меня в голове. Я чувствовала себя по-другому, как будто какая-то часть меня изменилась, а мое сердце превратилось в пульсирующий инструмент.

Снаружи ветер шептал на знакомом мне диалекте декаданса, а город вальсировал в круговороте ветров и теней. Он как будто рассказывал мне о чем-то чудесном, о чем-то очень дерзком: он был моим, весь без остатка – улицы, ветер, ночь, пульсирующий джаз и желание, новая жажда опасных снов и иллюзий.

Но все это было неправильно. Я была помолвлена, мне было двадцать лет, и я была деловой женщиной. Я не должна была испытывать таких чувств к иностранцу. *«Должно быть, я перебрала с «Поцелуем кобры». Завтра, когда проснусь, буду чувствовать себя по-другому и даже не вспомню, кто такой Эрнест Рейсманн».* И поскольку Шанхай такой огромный, наши пути, вероятно, никогда больше не пересекутся.

Но мне хотелось бы увидеть его снова.

Я могла бы нанять его, раз уж Сассун отказал ему. И я с легкостью могла бы найти его. Жилой дом Сассуна на Пешеходной набережной, где остановился Эрнест, находился рядом с моей семейной типографией до того, как нас вынудили сменить ее месторасположение. Но Эрнест был иностранцем, что уже само по себе являлось серьезным предупреждением держаться подальше. Я напросилась бы на неприятности, поскольку китайке не подобало держать иностранцев в качестве персонала, а посетители моего клуба, местные жители, имели привычку считать иностранцев врагами.

Но мне хотелось нанять его. Эрнест, лучший пианист, которого я когда – либо встречала, умел играть «Страйд», что, как подсказывала моя интуиция, стало бы сенсацией в моем клубе и помогло бы вдохнуть новую жизнь в мой бизнес. Если бы Эрнест доставил мне неприятности, если бы эта затея не сработала, я бы попрощалась с ним. В конечном итоге, это был бизнес.

Осмелилась бы я нанять его?

Я опустила окно, ослабила завязанные на шее лямки платья и распустила свои аккуратно завитые волосы. Только на мгновение.

Глава 9

Эрнест

Он лежал на своей койке в темноте и одними губами повторял: «*Айи, Айи, Айи*» – сначала нисходящий звук, потом восходящий, «*Айи, Айи*». Произнося ее имя, он будто карабкался по странной интонационной шкале, но оно начало ему нравиться, потому что задерживалось на языке теплым эхом, формой, силой, идеально подходившей его рту. Это было имя красоты, имя любви, и каждый раз, когда он его повторял, перед глазами всплывал образ ее лица, как горячее летнее солнце. Но это было глупо. Он только что приехал на эту чужую землю, был безработным, без гроша за пазухой и бездомным. Последнее, что ему было нужно, так это влюбиться.

Эрнест закрыл глаза. Ему приснился сон, в котором он стоял на перроне железнодорожного вокзала, и перед ним возникли взволнованные лица его родителей, их голоса барабанили в его ушах: «Эрнест, позаботься о своей сестре», – наказал ему отец, одетый в землистого цвета пальто, «Эрнест, счастливой тебе жизни, и женись на хорошей еврейской девушке», – сказала его мать с опухшими от слез глазами, ее лицо было искажено страхом и мукой.

Он проснулся с мокрым от слез лицом. У них было только две выездные визы на четверых, так что решение было принято легко. А теперь он прислушивался к дыханию Мириам, спавшей на верхней койке, его младшей и теперь уже единственной сестре.

Комитет прислал ему последнее уведомление, он должен был покинуть приют на следующее утро. И все же, к своему отчаянию, он не нашел ни работы, ни жилья.

* * *

С первыми лучами рассвета он протиснулся сквозь толпу в коридоре, в одной руке держа чемодан, в другой сжимая руку Мириам. Кивнув другим беженцам, он спросил, как с ними связаться. Мистер Шмидт покачал головой, остальные вздохнули.

– Тогда, да прибудет с вами мир, – сказал он, подбадривая их настолько, насколько смог найти в себе силы. Когда он вышел в вестибюль, там было еще больше народу, чем раньше. Прибыла новая волна беженцев, все с чемоданами, растрепанными волосами и угрюмыми лицами. По их словам, они спасали свои жизни, поскольку евреев в Берлине отправляли в лагерь, а евреев в Австрии депортировали в Польшу.

Ошеломленный Эрнест не понял, как добрался до тротуара на улице. Его родители. Получили ли они уже выездные визы? Были ли они отправлены в лагерь? А рядом с ним Мириам, зевая, сонно терла глаза.

– Куда мы идем? Еще так рано.

Холодный утренний воздух ударил в лицо, и он поежился. Его родители застряли в зоне военных действий, и он не знал, где найти безопасное укрытие для Мириам. Он не знал, куда идти.

Мимо него пробежали два рикши, нагруженные беженцами. Позади них, мистер Шмидт, искавший укрытие в церкви, забрался в грузовик. Подъехала коричневая машина и остановилась рядом с Эрнестом. Он услышал крик, но не смог разобрать слова. Затем из машины вышел китаец в черной куртке и черной кепке и отчаянно замахал ему рукой. Эрнест уставился на него, не в силах понять ни слова.

Затем он услышал имя. Ее имя. Шао Айи.

Он бросился к машине и заглянул в окно как раз в тот момент, когда оно опустилось, и на него уставилось ее прекрасное лицо.

– Привет, незнакомец. Я рада, что нашла вас раньше, чем вы ушли. Я хотела спросить, не согласитесь ли вы поиграть «Страйд» в моем клубе?

– Что? – Он не знал, что она владела клубом. Упомянула ли она об этом вчера? Шофер сунул ему что-то в руку. Открытка с музыкальным оркестром на сцене, сверкающей неоновыми огнями. Внизу был указан адрес на китайском и шесть английских слов: Ночной клуб «Тысяча и одно удовольствие». – О, да. Конечно. С удовольствием.

Ее лицо озарилось прекрасной улыбкой, и она посмотрела на его сестру и их чемодан.

– Тогда садитесь. Я отвезу вас обоих в ваше общежитие.

* * *

Так называемое общежитие представляло собой квартиру, расположенную в западной части Поселения, к югу от реки Сучжоухэ и в нескольких кварталах от ночного клуба. Айи сказала, что обеспечивала своих работников зарплатой и жильем, поскольку из-за потока беженцев с севера найти ночлег всегда было непросто. Все ее китайские работники, оркестр и танцоры балльных танцев жили в Старом городе, что ему не подходило, так как он был иностранцем. Поэтому она связалась с дядей своей лучшей подруги и сняла для него квартиру.

– И не переживайте. Я вычту арендную плату из вашей зарплаты, – сказала она.

Сколько ему будут платить, казалось, не имело значения – у Мириам была крыша над головой! Комната размером примерно двенадцать на двенадцать футов, без обогревателя и камина. Но там была кровать из бамбука, настенный календарь, деревянный стул и облупленный шкаф с двенадцатью квадратными ящиками без дверок. Общая кухня находилась в конце коридора, общий туалет – рядом с лестницей. В здании жило много китайцев, но некоторые комнаты были заколочены досками.

Айи велела своему шоферу проводить Эрнеста и Мириам в их квартиру. Сама она осталась в машине. По ее словам, если бы ее, китайку, увидели с ним внутри здания, то это вызвало бы некоторые сплетни. Но она хотела, чтобы он начал работать в ее клубе через три дня, поскольку ей необходимо было время, чтобы найти фортепиано.

– Она хорошенькая, Эрнест, но не думаю, что я ей нравлюсь, – сказала Мириам, когда шофер ушел.

– Конечно же ты ей нравишься.

– Она неприветливая.

– Возможно, замкнутая, но не неприветливая. Но как только ты узнаешь ее поближе, то поймешь, что она очень добрая. Тебе здесь нравится? – Он подошел к окну и подергал щеколду. Она застряла. И все же, это была комната с крышей.

В широко раскрытых глазах Мириам отражалось отчаяние.

– Здесь только одна кровать.

– И что?

Мириам покраснела. Она была одного роста с ним, с длинными ногами и широкими плечами.

– Я не могу спать с тобой в одной кровати, Эрнест. Мне почти тринадцать.

Подростковый возраст, Эрнест был бы и рад дать ей немного уединения, но они больше не были в Берлине.

– Тогда тебе лучше не пинать меня под ребра. Хочешь пфаннкухенов?

– У тебя есть деньги, Эрнест? – Она надвинула на глаза свою шапку-ушанку. Мириам выглядела счастливее.

– Давай посмотрим. – Он открыл чемодан и порылся в своих ценных вещах: ручка «Монблан» и фотоаппарат «Лейка», которым он так дорожил. Он вытащил ручку.

* * *

Эрнест продал ручку за десять китайских фаби на тротуаре, а затем они отправились на поиски пфанкухенов. Но поблизости не было пекарен, только самодельные прилавки, торгующие рулонами шелка, плакатами и альбомами, и лавки, где продавались вязанные сумочки. Наконец, Мириам согласилась на суп из закуской.

За четыре цента они купили две миски гречневой лапши, лучшего блюда, которое Эрнест ел с момента своего приезда. Он выпил до последней капли густой бульон, приправленный имбирем, чесноком, зеленым луком и рыбными хлопьями. Видя, как губы Мириам блестели от супового жира, его сердце разрывалось от счастья.

Ему нравился этот город, запах жаренного арахисового масла, неумолкаемый визг тормозов и автомобильные гудки, тихие переулки и роскошные, яркие отели. Теперь у него была работа и квартира. Однажды он сможет купить вилки и ложки, ножницы и бритвенные лезвия, пальто и жилетки. Сможет купить для Мириам вкусные закуски и ботинки, оладьи и лапшу. Он сможет выжить.

Он собирался играть на фортепиано в ее клубе. Аи, сначала нисходящий звук, потом восходящий. Он хотел узнать о ней больше, о ее радостях и страхах, ее увлечениях, любимой еде и напитках, о ее любимом цвете.

«Бывает такая любовь, которая поражает подобно молнии; она ослепляет вас, но в то же время открывает вам глаза, чтобы увидеть мир по-новому». Ее светом освещена тропа.

Глава 10

Осень 1980

Отель «Мир»

Две женщины подошли к моему столику, одна китаянка, вторая – иностранка. Китаянка, моя племянница, скрывает шрамы от ожогов на лице за большими очками; другая, как я понимаю, документалист. На вид ей за тридцать, высокая, в широкой ковбойской шляпе, коричневой кожаной куртке с длинной бахромой на рукавах, коричневой сумкой с такой же бахромой, и даже подол ее жилетки, выглядывающий из-под куртки, украшен густой каймой бахромы.

– Тетя. – Феникс, моя племянница, но также мой адвокат, консультант и частный детектив, похлопывает меня по плечу. – Это мисс Скарлет Сороби, документалист. Она только вчера прилетела из Лос-Анжелеса.

Вблизи, лицо документалиста обладает приятной мягкостью, но ее яркие глаза поражают меня, ослепив словно фары в тумане. Я снова нервничаю, хотя не должна. В конце концов, маловероятно, что она откажется от моего предложения.

– Приятно с вами познакомиться, мисс Сороби, – говорю я.

– Взаимно, мэ. – Она снимает шляпу и садится на стул напротив меня, бахрома ее сумки взлетает вверх, едва не задев мое лицо, но она этого не замечает. Она вежлива, выражает свою благодарность за оплаченный билет и проживание в отеле, а также свою взволнованность нашей встречей. Она не спрашивает, но, должно быть, задается вопросом, почему я заставила ее проделать весь этот путь из США.

Я натянуто улыбаюсь. Возможно, меня окружало слишком много учтивых деловых партнеров, а может, я упрямо держалась своих убеждений и уже отвыкла общаться с иностранцами, но мне трудно сравниться с ней. Ее ковбойский наряд несомненно отвлекает, потому что, на мой взгляд, людям, которые носят такую одежду, еще предстоит повзрослеть. И голос у нее резкий, слишком высокий, как будто она привыкла перебивать других, а в ее акценте улавливаются жуткие нотки протяжного говора южан, который я надеялась никогда больше не услышать.

Непрощенная волна грусти накрывает меня. Я смаргиваю навернувшиеся на глазах слезы, мисс Сороби пристально наблюдает за мной.

– Прошу прощения, – поспешно извиняюсь я. – Я не услышала, что вы сказали.

– Да я лишь сказала, что навела кое-какие справки о вас перед полетом, мэ. Я слышала, вы владеете международной гостиничной компанией, в портфолио которой входит множество отелей по всему миру. Вы ведь гражданка Канады? Американцам еще предстоит узнать о вас. В США не публиковали ни одной статьи о вас или вашей фотографии. Вы, пожалуй, самый непубличный миллиардер в мире.

Она пытается подружиться со мной.

– Я уже стара и не стремлюсь к славе, как раньше. Но, мисс Сороби, вам, должно быть, интересно, почему я попросила о личной встрече с вами. Позвольте мне объяснить. Когда моя племянница рассказала мне о выставке, которую вы организовали в Лос-Анжелесе, я была впечатлена. Это удивительно, что вы взяли интервью о евреях, которые выжили в Шанхае во время Второй мировой войны, и рассказали истории стольких людей. Один из них мне очень дорог.

Я бы хотела предложить вам возможность снять документальный фильм об этом особенном человеке, поскольку Феникс сказала, что вы опытный документалист.

– Это было бы чудесно. И кто этот особенный человек?

– Эрнест Рейсманн. Я слышала, вы посвятили ему целый раздел.

– Мистер Рейсманн. – Кивает она. – Конечно. Он был одним из главных персонажей выставки. Он был героем, легендой Шанхая сороковых годов. Многие люди, у которых я брала интервью, были ему благодарны. Они говорили, что он был самоотверженным и у него было золотое сердце.

Я улыбаюсь, но сдерживаю остальные эмоции.

– Я слышала, что вы нашли более дюжины его фотографий.

– Так и есть. Я нашла целую сокровищницу фотографий о Шанхае сороковых годов. Очень интересные фотографии, но я не все показала на выставке. Кое-что я привезла с собой. Если хотите посмотреть, могу их вам показать.

Почему-то слово «фотографии» застряло у меня в голове.

– Я бы с удовольствием на них взглянула. И если вы не против, я бы хотела посмотреть и на те, что были представлены на выставке. К сожалению, у меня не было возможности посетить ее.

– На самом деле я привезла с собой много документов. Так, посмотрим. – Она достает из своей сумки с бахромой картонную папку, вытаскивает из нее блокнот и открывает на определенной странице.

Я задерживаю дыхание. Мне не стоит нервничать. Она не могла найти ничего такого, чего я бы уже не знала.

– Мистер Рейсманн, верно? Вот его биография. Согласно моим исследованиям, евреи в Берлине столкнулись с бесчеловечными погромами после «Хрустальной ночи»². Им было велено убираться из Германии, иначе они рисковали быть отправленными в концлагеря, но многие страны с неохотой принимали их у себя. Поскольку мир закрылся перед ними, около восемнадцати тысяч евреев оказались в Шанхае. Мистер Рейсманн был одним из тех беженцев. В то время ему было девятнадцать лет.

Феникс прижимает кулак к своим губам, мне хочется закрыть глаза. Прошло так много времени с тех пор, как я слышала, чтобы кто-то говорил об Эрнесте.

– Верно. Он был на год младше меня.

Бахрома на рукавах куртки мисс Сороби колыхнется, когда она продолжает:

– Мистер Рейсманн вырос в двухкомнатной квартире, располагавшейся в районе Митте в центре Берлина и большую часть времени проводил в музыкальной консерватории, пока его не отчислили за то, что он еврей. Он был одаренным, оптимистично настроенным юношей. В школе всегда приходил на урок первым и уходил последним. Подрабатывая в кабаре, он угощал своих друзей пивом. До тех пор, пока все кабаре не отказались нанимать его. Его родители потеряли работу в университете. Два его дяди покончили с собой от отчаяния на фоне растущей враждебности в Берлине. Его старшая сестра, многообещающая художница, которая выставляла свои работы в известной галерее, от голода ukrала банку оливок, ее поймали и забили до смерти члены группы Гитлерюгенда. Ее тело оставили в мусорном контейнере, пока вся семья искала ее несколько дней.

Он рассказывал мне об этом, но все равно дрожь пробегает у меня по спине.

– Продолжайте.

² «Хрустальная ночь» (или «Ночь разбитых витрин») – в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года Третьим рейхом были организованы погромы и поджоги синагог, еврейских магазинов, кафе и квартир, принадлежавших еврейским семьям в Германии и Австрии.

– Жизнь в Шанхае для него и его сестры была другой. Так, подождите. Мириам Рейсманн. Все верно? Они вместе приехали в Шанхай. Они были очень близки, и он ее очень любил.

Мое сердце на мгновение замирает.

– Мистер Рейсманн нашел работу в ночном клубе сэра Сассуна.

– В моем ночном клубе. «Тысяча и одно удовольствие».

– В вашем ночном клубе? Боже. Это правда? А на выставке я сказала другое. Я что-то неправильно поняла? Как могла женщина владеть ночным клубом в Шанхае в сороковые годы? Я считала, что у многих китайок были деформированы ступни.

Наивно с ее стороны строить предположения обо мне.

– Вы правы. У многих, но не у меня. Я не была обычной китайкой в сороковые годы.

Мисс Сороби потирает висок, ее голос становится тише, когда она произносит:

– Извините. Прошу меня простить, если я ошиблась. Я записала только то, что мне рассказывали.

– Меня не было на выставке, что вполне объяснимо. Но упоминали ли ваши собеседники обо мне? О китайке, которая связалась с Эрнестом? – интересуюсь я.

Она колеблется.

– Мне нужно подумать об этом, мисс Шао.

Но по выражению ее глаз, я могу сказать, что она лукавит.

– Вы верите в то, что вам рассказали?

Кое-что не изменилось во мне за последние сорок лет. Я по-прежнему переживаю о том, что думают обо мне другие.

– Ну...

Я делаю глубокий вдох. Мне стоило рассказать о своем подарке раньше, а теперь это будет выглядеть, как взятка.

– Мисс Сороби, я забыла упомянуть, что, если вы согласитесь снять документальный фильм о мистере Рейсманне, я безвозмездно передам вам в собственность отель «Мир».

У нее отвисает челюсть.

– Этот отель?

Я вижу, что она понимает ценность этого. Открытый в одна тысяча девятьсот двадцать девятом году, отель «Мир» первоначально назывался «Китай-отель». Номера для гостей располагались с четвертого по девятый этаж внутри высокого Дома Сассуна. Этот отель многие еще называют «Уолдорф-Астория Востока», он является ценным активом в культурном, историческом и финансовом отношении. За пятьдесят лет, прошедших с момента его открытия, у отеля были разные владельцы: сэр Виктор Сассун, националистическое правительство и прояпонское правительство Ван Цзинвэя, а теперь это моя собственность. Я провела частную оценку, которая показала, что он стоит по меньшей мере десять миллионов долларов.

– Но у меня есть просьба. Вы должны выслушать мою историю.

– С большим удовольствием, мисс Шао. – Она поворачивается к своей сумке с бахромой и пытается что-то достать, но останавливается. У нее трясутся руки. Мое предложение застало ее врасплох, и она очевидно еще не знает, как реагировать. – Для меня большая честь снять этот документальный фильм о мистере Рейсманне, но я должна внести ясность, и не хочу показаться грубой, мисс Шао, но как документалист, я не вправе исказить правду или переписывать историю.

– Разумеется. Стало быть, вы должны узнать мою историю.

– Но зачем отдавать в дар этот отель? Вы же знаете его ценность. Он стоит тысячи документальных фильмов.

– Я уже говорила вам, что мистер Рейсманн очень дорог мне, и я, как вы видите, одинокая старуха. Я лишь хочу, чтобы перед смертью у меня не осталось сожалений.

Она недоверчиво наклоняет голову.

– Я изложу это в письменном виде, если у вас по-прежнему остаются сомнения. И еще кое-что, мисс Сореби. Пожалуйста, сделайте мне одолжение и не называйте меня «мэм».

– Конечно, мисс Шао. – Она улыбается, чтобы меня успокоить или, возможно, попытаться забыть нелестное описание моей связи с Эрнестом, которое она слышала.

Я откидываюсь на спинку своего инвалидного кресла.

– Первое, что вам нужно знать, юная леди, это правду: в Шанхае, если вы женщина и владелица бизнеса, вы не можете пройти через туннель с пауками и не набрать в волосы паутины.

* * *

Я была седьмым и самым младшим ребенком в семье Шао, одной из самых богатых семей Шанхая, и люди называли меня зеленым листом, растущим на золотой ветви, Цзинь Чжи Юй Е. Мой прославленный дед, чье имя было у многих на устах, в конце девятнадцатого столетия благоустроил грязный город Шанхай и основал множество предприятий: железнодорожную компанию, телеграфную фирму, крупное совместное предприятие по производству чугуна и стали и университет, известный и по сей день. Он был премьер-министром распавшейся династии Цин. Когда он умер, в его похоронной процессии приняли участие официальные лица и послы из России, Великобритании, Германии, Соединенных Штатов и даже Японии. Она протянулась от западного конца Нанкинской улицы до реки Хуанпу. Он оставил моей семье огромное состояние, на которое мы жили, а также наследие старого уклада, которому мои братья, казалось, были слишком счастливы следовать.

Мой отец, который жил как типичный денди, был неустрашимым мэром Шанхая в течение многих лет, прежде чем пристрастился к опиуму. Я плохо его помню; но все мои воспоминания о нем были неприятными, включая его приступы гнева. Возможно, он чувствовал угрозу со стороны моей матери, которая была старшим ребенком могущественного военачальника. Женщина с деформированными ступнями, но отличная лыжница, которая совершала поездки в Альпы, она была известна своей проницательностью и хитроумными финансовыми манипуляциями. Благодаря ей большая часть богатства моей семьи была припрятана от отца, находившегося под влиянием опиумной зависимости.

Ребенком я росла в закрытой резиденции, воспитывалась пожилой наставницей, которая читала лекции о послушании и семейной чести, меня баловала армия слуг, и я была ограждена от гнусности и насилия мира. В молодости я была материалисткой, обожавшей платья и сумочки, губную помаду и всеобщее внимание. Но как только я начала понимать некоторые вещи, то узнала, что мое будущее предопределено: я выйду замуж за Ченга, моего двоюродного брата, а после свадьбы стану матерью и произведу на свет как можно больше детей. В детстве я не знала другой жизни и соглашалась с этим планом, поскольку его устроила для меня мама, но он стал самым большим горем в моей жизни.

Думаю, что моя жизнь сложилась бы иначе, если бы я никогда не услышала джаз в доме моей лучшей подруги Эйлин. С первых аккордов, я стала яркой фанаткой. В Шанхае не было популярной музыки в том смысле, в каком вы ее сейчас знаете. Когда я родилась, в нашей культуре не существовало музыкальных записей. Я умоляла маму отправить меня в среднюю школу Сент-Мэри-Холл, где училась Эйлин, частную школу для девочек под управлением американских миссионеров, чтобы я могла больше слушать эту музыку. Мама души во мне не чаяла, поэтому, несмотря на возражения остальных членов семьи, меня зачислили.

В школе я притворялась больной во время чтения произведений Элизабет Баррет Браунинг и Эмили Дикинсон и пряталась в просторной аудитории из красного кирпича, слушая Луи Армстронга и Дюка Эллингтона и восхищаясь их сенсационными продажами пластинок. Я решила, что делать со своей жизнью: стать предпринимателем, как Элизабет Арден или Коко

Шанель. Стало быть, уместно сказать, что литература научила меня западным традициям, но американский джаз вдохновил меня стать деловой женщиной.

Еще учась в школе, я воспользовалась своим значительным содержанием и сделала свои первые инвестиции, тайные инвестиции, в звукозаписывающую компанию, которой управлял двоюродный брат. Компания обанкротилась, и я потеряла все свои деньги.

Затем случилась трагедия: мать погибла в результате несчастного случая, что стало тяжелым ударом после смерти моего отца за год до этого. После ее похорон я плакала, пока мои братья и сестры один за другим уходили из моей жизни. Мой второй брат присоединился к националистической армии Чан Кайши, чтобы спрятаться в глубинке страны; мой третий брат разорвал семейные узы, чтобы стать буддийским монахом; четвертый – умер от лихорадки; а моя единственная сестра сбежала с магнатом, торгующим фарфоровыми унитазами в Гонконге. Когда начался кошмар войны, Эйлин сбежала в Гонконг, горничных, которые баловали меня, переселили, и я осталась с двумя братьями, женихом и без банковского счета.

Двоюродный брат, тот самый, в чью звукозаписывающую компанию я вложила деньги, помог мне приобрести джазовый ночной клуб, и я начала работать. В течение двух лет я управляла клубом, сталкиваясь со множеством проблем, пока не встретила Эрнеста. И моя жизнь изменилась навсегда.

Глава 11

Айи

Все шло отлично.

Совершив множество телефонных звонков и расспросов в тот день, когда наняла Эрнеста, я, наконец, получила известие о том, что у одного из двоюродных братьев Ченга сохранилось фортепиано для дочери его второй жены. Поэтому я позаимствовала его и быстро организовала перевозку инструмента в мой клуб.

Три дня спустя, к моей великой радости, Сассун доставил в мой клуб алкоголь. Английский сухой джин «Гордонс». Джин «Гилбис». И виски «Старый Тейлор» из Америки. Их ароматы наполняли воздух, пока мои менеджеры относили ящики в кладовую и выставляли бутылки на полках в баре. Держа в руке высокий стакан с джином, разбавленным водой, чтобы сэкономить алкоголь, я осмотрела фортепиано – небольшой музыкальный инструмент, сделанный из дуба, не такой, как «Стейнвей» в баре Сассуна, и обошла пустые столики, которые, как я надеялась, скоро заполнятся нетерпеливыми посетителями. Фортепианный «Страйд» Эрнеста и импортный джин и виски Сассуна. Это могло изменить мой бизнес к лучшему.

Я дала еще несколько распоряжений менеджерам и направилась в свой кабинет в конце коридора. Глядя в маленькое зеркальце, я нанесла новый слой красной помады, припудрила лицо и аккуратно поправила челку. Мои волосы были уложены в модную прическу, которую я скопировала с какой-то модели из календаря. Я выглядела модно, с золотыми серьгами в форме листочков и ожерельем, основными украшениями, которые служили знаком, что я все еще богаче большинства людей. Но я засомневалась. Расстегнув обтягивающее платье цвета спелого граната, я надела бюстгальтер в европейском стиле с вставными подушечками, который хранился в ящике в моей гардеробной, и запихнула в него скомканный шарик ткани, опрысканный духами, чтобы аромат не был удушающим.

Сегодня был первый рабочий день Эрнеста.

* * *

– Добрый день, мисс Шао. – Вместе с Эрнестом в дверь моего кабинета ворвались звуки энергичной музыки. Он был одет в то же двубортное пальто с мятыми лацканами, на подборке проступала щетина. Его движения были осторожными, как будто он держал в руках что-то очень ценное и боялся его потерять. Но его глаза. Они светились энергией, нежностью и теплом, создавая мощную мелодию, которая заставляла мое сердце трепетать от счастья. Внезапно мне захотелось ему улыбнуться и поговорить о музыке.

Но я взяла себя в руки. В конце концов, он был пианистом, которого я наняла.

– Я рада, что вы пришли. Сегодня ваш первый рабочий день. Давайте поговорим о вашей работе. Садитесь, садитесь.

– Спасибо за предоставленную возможность, мисс Шао. – Он снял перчатку и протянул мне руку.

Он был хорошо воспитан и проявлял уважение, но мне нужно было сказать:

– Эрнест, позвольте мне напомнить вам? Это китайский клуб. Вам было бы полезно узнать о некоторых правилах этикета. Довольно неприлично пожимать руку женщине.

– Я этого не знал. Почему?

– Китайцы считают прикосновения между мужчиной и женщиной интимным контактом.

– Даже в бизнесе?

Я кивнула в ответ.

– А объятия?

Будучи новоприбывшим, он действительно не знал, как люди в Шанхае относятся к возмутительному характеру этого западного обычая. Большинство китайцев практически питали отвращение к объятиям.

– Это для друзей, очень близких друзей.

– Тогда поцелуй в щеку? В Европе принят трехкратный поцелуй в щеку.

Я закашлялась. Такая близость была в Шанхае просто немыслима, даже супружеские пары воздерживались от публичной демонстрации близости. И уже тем более ничего подобного не могло быть между китайцем и иностранцем.

– Каковы тогда надлежащие этические нормы в Шанхае? – Он выглядел озадаченным и не сводил с меня глаз, еще одно правило этикета, которое ему предстояло усвоить – мы проявляли уважение, опустив глаза.

– В знак приветствия мы кланяемся или делаем так. – Я сложила руки вместе и кивнула ему, склонив голову.

– Я искренне надеюсь, что не обидел вас, мисс Шао. Я лишь хотел выразить вам свое уважение и признательность за то, что вы дали мне работу.

Я в этом не сомневалась, и на самом деле мне не хватало того, как он произносил мое имя со своим гортанным акцентом.

– Да. Вы оплатите мне тем, что сыграете «Страйд» на фортепиано. Я рассчитываю, что ваша музыка сделает мой клуб более конкурентоспособным. Я составила план, как представить вас и прорекламировать ваше выступление, чтобы люди знали, насколько уникальна ваша музыка. Сегодня, вы освоитесь в клубе. Хорошо?

– Конечно.

– А теперь, давайте обсудим вашу зарплату. В этом городе в обороте три вида валюты. Как правило, иностранным работникам в иностранных компаниях платят в американских долларах. Некоторые местные предприятия здесь переходят на валюту, выпущенную японцами, но мы по-прежнему используем бумажные деньги фаби нашего националистического правительства, поскольку наши сотрудники нуждаются в них для покупки еды. Вы бы согласились на это?

– Меня устроят фаби.

– Вам будут платить по десять китайских фаби за вечер. Это за вычетом арендной платы. Рабочий день начинается в четыре часа дня и заканчивается, когда посетители уходят, обычно около трех часов ночи. У вас есть какие-нибудь вопросы?

Он выглядел задумчивым.

– Вы сказали, что это китайский клуб. У вас есть еще иностранные сотрудники? Кто-нибудь из ваших людей говорит по-немецки или по-английски?

– Нет. Все сотрудники и посетители – китайцы. И я сожалею, мои четыре менеджера немного говорят на ломаном английском, но большинство говорят только на шанхайском диалекте. – Он останется одиноким иностранцем, окруженным нетерпимыми местными жителями, чужаком, неспособным понять наш язык. – Пойдемте, Эрнест. Я покажу вам фортепиано.

В банкетном зале уже начался вечерний концерт. Оркестр играл «Summertime», и, как я и надеялась, в клубе уже было несколько посетителей: мистер Чжан, крутивший в руке складной нож, прибыл со своими приятелями, и они заказали бутылку джина «Гилбис». Они не обратили внимания на Эрнеста, когда мы подошли к фортепиано в левом углу сцены, чему я была очень рада. Мне совершенно не хотелось вступать в ненужные перепалки с этим гангстером.

Руководитель джаз-оркестра, трубач, мистер Ли, встретил меня у фортепиано. Взглянув на Эрнеста, который надел перчатку и забарабанил по клавишам, мистер Ли нахмурился, что неудивительно, и его глаза сверкнули враждебностью. До войны он работал на киностудии в Ляньхуа, а теперь подрабатывал на свадьбах и похоронах. Его оркестр работал на меня уже четыре месяца. Обычно оркестры не задерживались надолго, они приходили и уходили. Болезни, более высокие гонорары или смерть.

– Мистер Ли, познакомьтесь с новым участником вашего оркестра, – произнесла я на шанхайском диалекте. Я не была дружелюбным работодателем, я предпочитала проявлять сдержанность, потому что мама говорила, что мужское эго мешает им выполнять приказы женщины. Поэтому я отдавала приказы без особых объяснений, что, как ни странно, вызывало уважение.

– Мисс Шао, мои люди очень хорошо сыгрались вместе, как оркестр.

– Теперь вы будете работать с пианистом.

– Он говорит по-китайски?

– Нет.

Мистер Ли стоял в стороне от Эрнеста, как будто новый член его оркестра мог укунить его.

– Если вы не возражаете, я бы хотел настроить фортепиано. У вас случайно нет инструментов? – спросил Эрнест.

– Менеджер найдет что-нибудь для вас. – Люди поворачивали головы в нашу с Эрнестом сторону. Менеджер Ванг, стоявший у бара, поспешил ко мне. Будучи прямолинейным человеком, он выглядел так, словно собирался устроить скандал, и я знала, что он прочтет мне лекцию о чудовищных преступлениях, совершенных иностранцами. Поэтому я ушла.

Меня больше беспокоили не возражения моих работников, они могли либо смириться с моим решением, либо уволиться, а реакция посетителей. Мистер Чжан, разговаривавший с моими танцорами, свирепо смотрел на Эрнеста. Несколько постоянных клиентов, только что вошедших в клуб, заметили высокую фигуру Эрнеста и замерли на месте.

Отобьет ли Эрнест у них охоту находиться здесь? Откажутся ли они из-за него приходить в мой клуб? Они еще не знали, что услышат – захватывающий дух, заводной фортепианный стиль «Страйд». Кроме того, у меня было двадцать ящиков импортного джина и виски!

Мистер Ванг проводил новоприбывших к их столикам, и мистер Ли начал играть на сцене. Я облегченно выдохнула, еще раз взглянула на Эрнеста, который настраивал фортепиано, и пошла обратно в свой кабинет.

* * *

Я считала на счетах, когда в банкетном зале раздался дикий вопль боли. Музыка остановилась.

Я выбежала из кабинета. Под восемнадцатью тысячами сверкающих огней собралась толпа, пристально изучавшая фигуру на полу – Эрнеста. Он корчился от боли, держась за правую руку в перчатке, из которой торчал нож.

Глава 12

Эрнест

Перочинный нож вошел в его покрытую шрамами руку по самую рукоятку. Эрнест задался вопросом, было ли это иронией или проклятием. Он носил перчатку, чтобы подавить воспоминания о том, как его изувечили, о страхе, отчаянии и ненависти, с которыми столкнулся, и теперь он снова стал мишенью. Из раны хлынула кровь, темно-красный след растекся по клавиатуре. Боже. Он никогда больше не сможет играть на фортепиано.

Он попятился назад, в ушах стоял звон незнакомых слов, ахов и криков. Человек, вонзивший нож ему в руку, размахивал руками, а танцоры и оркестр с наблюдали за происходящим с любопытством и чем-то похожим на восхищение.

Все произошло так быстро и не понятно по какой причине. Когда Эрнест вошел в здание, он был ослеплен великолепием клуба Айи, изысканностью, декором, освещением и танцполом – все это напомнило ему о внушительных концертных залах в Берлине. Увидев ее лицо, ее сдержанное поведение и уверенность, он успокоился. Теперь она была его боссом, что стало для него большой честью, но он также чувствовал отвращение людей, бросавших на него взгляды. Привыкший к проявлению враждебности, он старался как можно тише и быстрее настроить фортепиано с помощью инструментов, которые дал ему менеджер. Он просто хотел играть свою музыку.

Но настройка инструмента или, может, его присутствие вероятно отвлекало посетителей, потому что мужчина с ножом подошел к нему, чтобы ударить его. Эрнест, извиняясь, поднял руку, но мужчина, казалось, был раздражен и разразился потоком китайского. Эрнест снова поднял руку и не успел опомниться, как его отбросило на фортепиано, а в руку вонзился нож.

Пол теперь был залит его кровью, он поскользнулся и упал на спину. Когда он открыл глаза, над ним появилось лицо Айи. Она что-то быстро сказала по-китайски, а затем ему помогли подняться на ноги и вывели из зала в атриум.

– Все не так плохо. – Он скользнул в ее машину. Лезвие холодило плоть, пальцы онемели, а кровь собиралась в лужу и стекала вниз. Эрнесту трудно было сосредоточиться. – Простите, что доставил вам неприятности.

Она вздохнула.

– Это я должна извиниться. Я этого и боялась. Этот человек – гангстер, Эрнест. Мне очень жаль, что он набросился на вас.

– Потому что я еврей?

– Потому что вы иностранец.

Возможно глупо, но это было самое утешительное, что он когда-либо слышал.

– Я не знал, что это может стать проблемой. – Должно быть, особенность Шанхая.

– Вам придется к этому привыкнуть, Эрнест. Иностранцы и местные жители – не лучшие друзья. Мы живем каждый своей жизнью. Вы еще поймете. Вы потеряли много крови. Постарайтесь не разговаривать.

У него застучали зубы, и на мгновение он закрыл глаза. Новый страх снова сковал его – он был вынужден отказаться от игры на фортепиано, когда его руку покалечили, а теперь, похоже, он больше никогда не сможет играть. Чем бы он мог заняться? У него ведь была сестра, о которой нужно было заботиться.

Когда он снова открыл глаза, шофер велел ему выйти из машины. Ему удалось встать, перед ним выросло здание из красного кирпича, больница Святой Марии. Он чуть не упал на

землю, когда католическая монахиня с крестом бросилась его поддержать. В ушах раздался поток французских слов, чьи-то руки поддерживали его, когда он вошел в больницу. Все было как в тумане: резкий запах спирта, спокойствие, вызванное морфием, и непонятный французский, на котором говорили католические монахини. Когда нож извлекли, его крики были похожи на бред сумасшедшего. Но к счастью, кости не были сломаны, нервы не задеты. Он проглотил пригоршню неизвестных таблеток, выпил залпом большое количество крепкого раствора и уснул.

Когда он покинул больницу, уже рассвело, и несколько рикш проехали мимо со скрипом. Машина Айи все еще стояла у здания.

Он тихо приоткрыл дверь. Айи спала, прислонившись к заднему сиденью, ее шофер тоже дремал на водительском месте. Она могла бы уехать после того, как высадила его, или сказать, чтобы сам о себе позаботился после того, как его ударили ножом, или вообще не нанимать его, чужака, иностранца. Но она отнеслась к нему с достоинством, предоставила ему приют, когда он лишился крыши над головой, отвезла его в больницу, когда его ранили. Проявил ли кто-нибудь такую же заботу о нем, как она? Мечтал ли он ком-то подобной ей, о женщине из другой страны, другой расы?

Она пошевелилась и открыла глаза.

– Эрнест? Вы вернулись. Как ваша рука?

– Как новенькая, – ответил он, поднимая перебинтованную руку. – Эти католические монахини – лучшие медсестры, которых я когда-либо встречал. Мне наложили семь швов. Как только рука заживет, я снова смогу играть на фортепиано.

– Приятно слышать. Я переживала по этому поводу.

Ее голос обладал успокаивающим ритмом, Эрнесту хотелось слушать ее целую вечность.

– Спасибо, что привезли меня сюда, Айи.

– Я ведь ваш работодатель. У меня нет выбора. Но я абсолютно не умею ухаживать за больными, просто чтобы вы знали. Лучше вам избегать моего ухода, иначе потеряете больше, чем руку.

Но у нее был выбор.

– Позвольте мне подвезти вас до вашей квартиры. – Она велела шоферу заводить машину. – Сколько времени, по словам доктора, потребуется вашей руке, чтобы зажить?

Он подавленно посмотрел на свою забинтованную руку.

– Чтобы полностью исцелиться, потребуется четыре месяца.

– Четыре месяца. – Она тяжело вздохнула.

У нее не было никаких причин, чтобы сохранять ему работу в течение четырех месяцев, если он не мог играть на фортепиано.

– Я могу играть левой рукой.

– Я бы предпочла, чтобы вы этого не делали. Это не «Страйд». Я планировала, что вы будете главной партией в оркестре, а не аккомпанементом. В других обстоятельствах я бы этого не предложила, но сделаю исключение. У вас будет оплачиваемый отпуск на неделю, чтобы вы могли восстановиться и дать своей руке время зажить. Вас это устроит?

Если его не будет в клубе целую неделю, позволят ли ему вернуться? Двигатель автомобиля монотонно тархтел, издавая бесконечные гудящие и завывающие звуки, похожие на тошнотворные судороги. Эрнест решил, что справится, несмотря на поврежденную руку.

– Увидимся завтра, Айи.

Глава 13

Айи

Какая настойчивость. Собирался ли он поквитаться с мистером Чжаном? Я взглянула на его руку.

– Я просто хочу работать, – сказал он.

Его лицо было бледнее утренней зари, но она не заметила в его глазах ни капли обиды, ни намек на месть, ни даже искры гнева. Перед ней сидел человек, отвергающий насилие и настаивающий на работе, чтобы получать зарплату. Я хотела узнать о нем побольше. Поэтому, несмотря на усталость, спросила его, откуда он родом, чем занимались его родители, где он учился и почему приехал в Шанхай.

И он все мне рассказал. Он родился в Берлине. Его родители были профессорами в университете. Он приехал сюда из-за войны, и начал играть на фортепиано в юном возрасте по настоянию его матери.

– Что вы играли? – поинтересовалась я.

– В основном классическую музыку, – ответил он.

Я кивнула, все еще вспоминая его игру в отеле Сассуна.

– Мне больше нравится джаз. Знаете почему? Мы проиграли войну японцам. Люди умирают каждый день, как мухи. Все напуганы. Джаз помогает нам чувствовать себя живыми, помогает забыть о реальности. Классическая музыка – это другое, она касается воспоминаний.

– Я не смог бы выразить это лучше. – Он улыбнулся, его голубые глаза светились тем же светом, тем же желанием, которое я видела, когда он играл в отеле Сассуна.

Мое сердце бешено заколотилось, и я почувствовала, как мои щеки запылали. Я отвернулась к окну.

– Я также интересуюсь фотографией, это мое хобби, – продолжил он. Популярное увлечение среди иностранцев – например, Сассуна – но оно было дорогим удовольствием, потому что фотоаппараты и пленка импортировались.

– Что еще вам нравится? – спросила я.

– Кино.

В этом мы были похожи. Он сказал, что обожает Марлен Дитрих, немецкую актрису, а мне нравилась Кэтрин Хепберн. Я также любила читать журналы о кино, которые было тяжело достать, но менеджер Ванг обладал даром находить их для меня.

– А еще мне нравится кататься на лыжах, – добавил он. Чистое совпадение, поскольку моя мама, женщина с деформированными ступнями, была яркой лыжницей. – И вы мне нравитесь.

– Да, перестаньте. – Я взмахнула рукой, чтобы отпустить его. Но, должно быть, я сошла с ума, потому что даже после его ухода продолжала думать о его голубых глазах, цвета драгоценных камней, который менялся, отражая настроение Эрнеста, словно все происходило в каком-то волшебном фильме.

* * *

На следующий день, когда я была готова отправиться на работу мой жених, Ченг, приехал ко мне домой. Он предложил отвезти меня в клуб. Он часто это делал, якобы для обеспечения моей безопасности, но я знала, что для него это было предлогом, чтобы наблюдать за мной.

Он следил за модой и был одет с иголки в фиолетовый твидовый пиджак, черный шелковый галстук, черные брюки и черно-белые кожаные оксфордские ботинки.

– Что это на тебе, Айи? Эта вещица такая обтягивающая, что видны твои ребра, – сказал он, стоя рядом со своим черным «бьюиком», когда я села в машину.

Он был властным человеком. Любил указывать мне, что я не должна делать, с кем не должна разговаривать и что не должна надевать. Это меня всегда раздражало, потому что Ченг, человек с отличным вкусом в мужской моде, предпочитал, чтобы я прикрывалась с головы до ног. Ему не нравилось, что я надеваю платье без рукавов, открывающее плечи, или короткое платье, открывающее икры.

На мне было длинное облегающее платье с рисунком из красных пионов; оно подчеркивало мои изгибы и обнаженные руки, которые в настоящее время были прикрыты коротким шерстяным пиджаком.

– Если тебе нужны новые платья, я пришлю своих швей. – Ченг сел рядом со мной, когда машина тронулась с места. Он был отпрыском судового магната. Состояние его семьи уменьшалось, как и мое, но он по-прежнему был богат и имел хорошие связи благодаря бракам своих шести сестер. Своим богатством и привлекательной внешностью – аристократическими чертами лица, широкими плечами и накаченными мышцами благодаря многолетним занятиям верховой ездой – он вызывал интерес у многих женщин. Моя семья считала, что я сделала завидную партию. Они были правы: Ченг был выгодной партией.

Но я испытывала к Ченгу только родственные чувства, как к брату. Когда я сказала об этом маме, она заверила, что этого достаточно, потому что брак – это бизнес, который станет удачным и без романтической любви. Я верила ей, поэтому мне редко приходило в голову сомневаться в моем будущем браке. Мне нравился Эрнест, иностранец, с которым я даже представить не могла, что подружусь, и меня влекло к нему так, как не следовало бы, но я бы никогда не стала рисковать своим будущим с Ченгом.

– Завтра я надену другое. – Ченг также обладал взрывным характером. Я предпочитала не провоцировать его.

– И бюстгальтер, Айи.

Он имел в виду традиционный бюстгальтер, треугольный кусок ткани, который делал мою грудь плоской. Он знал, что я ненавижу это, но споры с Ченгом только еще больше злили его.

– Хорошо.

Он достал пачку сигарет.

– Так что же я пропустил? Инцидент с ножом? Почему ты наняла иностранца?

Наверное, мои менеджеры рассказали ему о произошедшем, и Ченг, должно быть, был раздражен тем, что я приняла Эрнеста на работу, предварительно не посоветовавшись с ним. Как мой жених, Ченг чувствовал, что имеет право вмешиваться в мой бизнес.

– Он умеет играть фортепианный «Страйд», я собиралась тебе сказать. Он отличный пианист. Это поможет моему бизнесу процветать и приносить большой доход.

– Похоже, твоим посетителям он не нравится. – Заметил он безразличным тоном.

– Понравится, как только они услышат его игру.

Ченг выглядел оскорбленным; он всегда был таким, злился, когда ему противоречили.

– Это только начало. Будет еще больше неприятностей, если он задержится в клубе надолго.

Остаток пути до своего клуба я молчала, потому что Ченг заставил меня нервничать. А если он был прав? Только новых кровопролитий мне и не хватало. Это отбило бы желание у современных девушек, модной молодежи и других посетителей приходить в мой клуб. И даже алкоголь Сассуна тогда не помог бы.

Войдя вместе с Ченгом в банкетный зал, я замерла на месте. Эрнест уже был там, и он делал то, чего не должен был делать.

Глава 14

Эрнест

Он всё равно мог быть полезен. Проводить посетителей к их столикам, принести им напитки, если бы еще он знал язык, то мог бы также принимать их заказы. Когда посетители шли танцпол, он брал метлу и подметал скорлупу от арахиса, шелуху семян подсолнечника, пепел и окурки.

Он попросил разрешения доставить выпивку человеку, который ударил его ножом, мистеру Чжану. Тот сидел с двумя мужчинами в расстегнутых рубашках. Менеджер Ванг выглядел ошеломленным, но Эрнест кивнул, заверив его, что никаких проблем не будет. Подойдя к круглому столику, за которым сидели мужчины, Эрнест поклонился, вспомнив наставления Аيي о китайском обычае, поставил на стол поднос со стаканами и бутылкой джина, которые они заказали, и налил ему.

– Гуизи, – пробормотал мистер Чжан.

Эрнест понял, что это было оскорбление, но он не чувствовал угрозы.

– Добрый вечер. Меня зовут Эрнест Рейсманн. Я к вашим услугам. Если вам что-то понадобится, пожалуйста, дайте мне знать.

Он мог сказать, что мистер Чжан не понимал его английского, но все равно, Эрнест остался и разливал их напитки. Мужчина выглядел несколько удивленным, а затем довольным. На самом деле, все посетители выглядели удивленными и довольными.

У мистера Чжана был ещё один складной нож, но он им не воспользовался.

– Эрнест, вы уверены, что хотите выполнять эту работу? – спросила Аيي за сценой. Она стояла рядом с хорошо одетым, красивым мужчиной с густыми черными бровями, волевым подбородком и суровыми черными глазами. Она выглядела потрясенной. Ее спутник хмуро смотрел на него.

– Что-то не так? – спросил Эрнест.

– Нет. Просто обычно иностранцы не подают китайцам еду и напитки. Знаете, это ниже их достоинства.

Он пожал плечами.

– Какое это имеет значение. Люди странные. Некоторые думают, что они выше других из-за своего богатства, своей гордости, истории своей страны, своей религии или своей внешности. Я просто человек из Берлина, гость в этом городе. Я изо всех сил стараюсь выглядеть прилично, и надеюсь, если возможно, стать другом этого города. И с радостью буду обслуживать посетителей вашего клуба, пока моя рука не заживет.

Она изумленно склонила голову на бок.

– Разумеется. Я буду рада вашей помощи.

Казалось, она собиралась сказать что-то ещё, но мужчина в элегантном наряде взял ее за руку, и они ушли.

* * *

В общем, Эрнест работал официантом, барменом и помощником официанта. Мистер Чжан больше не беспокоил его, а другие посетители и персонал клуба казались более дружелюбными, часто спрашивая его о его руке.

– Как новенькая, – отвечал он, поднимая ее, как флаг, как знамя мира.

Продолжая усердно трудиться, он прислушивался к разговорам посетителей и одними губами повторял их слова, тренируя нисходящие и восходящие звуки, как ее имя. Но, конечно, ничто не было таким же особенным и милым, как ее имя. Всякий раз видя Айи, он следовал за ней взглядом. Возможно, ему стоило держать свои чувства в секрете, если он хотел сохранить работу, но это было безнадежно. Он чувствовал себя другим человеком. Он смеялся так громко, как хотел; он мог бы спрыгнуть со скалы на спор.

Он считал дни до тех пор, когда снова сможет играть на фортепиано. Во время выступления оркестра он внимательно слушал и запоминал каждую песню. «The Entertainer», «On the Sunny Side of the Street», «Memories of You». Свинг, рэгтайм, джаз – популярная американская музыка, о которой он слышал, но с которой не был знаком. Он обратил внимание на пентатонную гамму, основную мелодию и свободную импровизацию кларнетиста, трубача и скрипача. Зажигательный ритм заставлял его сердце колотиться; он постукивал ногами по полу, а здоровой левой рукой ударял по невидимым клавишам в воздухе. Голова кружилась от плещущей через край энергии и захватывающего хора инструментов.

Его страсть к джазу росла. Он узнал, что эта музыка появилась в Шанхае в конце двадцатых годов, когда многие американские музыканты приехали сюда во время Великой депрессии. Любимая песня Айи, «Последняя роза Шанхая», была написана Баком Клейтоном и китайским композитором Ли Цзиньхуэем как раз в те годы. После отъезда музыкантов их песни записывались на пластинки, копировались и накладывались на традиционные китайские песенки. В тридцатых годах вдохновленная джазом музыкальная индустрия Шанхая, когда-то почти не существовавшая, процветала. Песни, в которых сочетались ноты джаза и народных мелодий, транслировались по радио и сочинялись для фильмов. Появилось целое поколение новых певцов, и были основаны компании по производству граммофонных записей.

Прошло десять дней, когда однажды вечером Эрнест кое-что заметил.

– Айи, почему ваш оркестр не играет вашу любимую песню?

Она приложила палец к губам.

Никто в клубе не знал ее любимую песню.

В один из дней Эрнест закончил работу перед рассветом. По дороге домой он купил у разносчика кусок тофу и немного угля, чтобы вскипятить воду, поскольку водопроводная вода на кухне была опасной для питья. Он по-прежнему получал за ночь десять фаби, благодаря доброте Айи, но едва сводил концы с концами, обеспечивая едой Мириам и себя. На днях он купил чашку риса. Когда они сели за стол, Мириам обнаружила в своей миске жуков и двух извивающихся мучных червей. Он подзадорил ее, и она, хихикая, проглотила непрошенных гостей. Жизнь была тяжелой, но пока они были вместе, они могли черпать маленькие радости из миски риса с мучными червями.

Он что-то напевал себе под нос, когда Мириам в своей бежевой шапке-ушанке из овечьей шерсти открыла дверь. Она была босиком и держала в руках мухобойку. Он поднял руки.

– Смотри, что у меня есть.

– Тофу? Я ведь говорила тебе, что он мне не нравится. На вкус как грязь.

Мириам была не в настроении. С тех пор как они переехали в эту квартиру, он велел ей в целях безопасности оставаться внутри. Возможно, причиной был страх или чрезмерная опека, но после смерти Лии он не собирался рисковать. Мириам согласилась, особенно видя его рану, но постоянное нахождение в квартире отрицательно сказывалось на ней.

Он сложил уголь и еду в ящик.

– Послушай, у меня теперь есть работа. Когда мне будут платить больше, я куплю тебе еду получше.

– Эрнест, мы можем поговорить?

– Давай позже. Я устал. Вечер был длинным. – Он снял ботинки и пальто и со стоном завалился на кровать. Он был вымотан, не в силах держать глаза открытыми. Отработав уже столько дней, он все еще не мог привыкнуть не спать всю ночь. – Разбудишь меня в полдень?

– У меня нет часов.

– Ладно. Сам проснись. Хочешь ещё поспать, Мириам? Ещё слишком рано.

– Не могу. Слишком много крыс и тараканов. Знаешь, скольких тараканов я уже раздавила? Тридцать четыре!

Чтобы немного подбодрить Мириам, он начал игру «Человек против вредителей».

– Отлично. Продолжайте в том же духе, младший лейтенант. – Он зевнул и закрыл глаза.

– Эрнест? Эрнест! Не спи. Поговори со мной. Мне вообще не с кем разговаривать. Нечего читать. Я не понимаю, что говорят эти люди. Такая скукота. Мне не нравится эта жизнь. Как долго мы собираемся здесь оставаться?

Мириам была типичным книголюбом. В пять лет она читала о послушных братцах кроликах Гансе и Грете в «Заячьей школе» и развлекала себя историями об озорных Максе и Морице из «Веселых историй про шутки и проказы». К десяти годам она стала яркой поклонницей «Превращения» Франца Кафки. Поскольку школы в Берлине отказывались принимать еврейских детей, она читала и перечитывала Кафку. Устав слушать, как она кричит во сне, Эрнесту пришлось отобрать у нее эту книгу. Кафка был не для детей.

Мириам было одиноко. Если бы он не был таким уставшим, он провел бы с ней время, поговорил или поиграл в игру, но руки-ноги отказывали, и его охватила сонливость.

– Я не знаю. Но мама с папой скоро приедут. Помнишь?

– Могу я пойти с тобой в клуб?

– Он не для двенадцатилетних девочек.

– Мне только что исполнилось тринадцать.

Он забыл о ее дне рождения.

– И не для тринадцатилетних тоже.

– Но я хочу чем-нибудь заняться. Найти, как и ты работу. Я могу найти работу? Эрнест, проснись!

Он зевнул.

– Кто возьмет на работу тринадцатилетнего подростка? Вообще-то, тебе следует пойти в школу. Но я слышал, что японцы закрыли китайские школы, и им до сих пор не разрешают открыться. Школы, принадлежащие американцам и англичанам, возможно работают, но я сомневаюсь, что тут есть еврейская школа. – Он уже почти заснул, когда почувствовал, что Мириам трясет его за руку, и уловил кое-что из того, что она сказала.

– Что ты сказала? Опиумная курильня?

– Я не знала, что это опиумная курильня. Внутри было темно. Многие китайцы курили на раскладушках. Я думала, что они спят, но в руках у них были длинные трубки. Там так вкусно пахло! Как в цветочном магазине. Меня чуть не поймали.

Эрнест сел. Мозг пульсировал от усталости, недосыпа и страха.

– Ты забрела в китайский квартал? Я ведь велел тебе сидеть дома. Эти улицы небезопасны для девочек. Что если бы, если бы...

– Старый город такой потрясающий, он совсем не похож на Берлин. Приподнятые края крыш на зданиях были украшены драконами, как императорский дворец в книгах по истории, которые я читала. Улицы грязные, и там происходило много странных вещей. Там была платформа для казни или что-то в этом роде. Я видела повешенного человека! Рядом с храмом несколько девушек...

Сон как рукой сняло.

– Мириам, это опасно. Тебе нужно оставаться в квартире.

– Я не могу весь день тут сидеть и разговаривать с тараканами, Эрнест.

– Что будет, если ты потеряешься на улице? Или... Или... Господи! Мне нужно немного поспать, чтобы я мог сегодня вечером работать. Но ты останешься в квартире. Обещай мне, Мириам?

Долгое время она не отвечала. Почувствовав облегчение, он снова начал проваливаться в сон, когда услышал ворчание:

– Тебе на меня наплевать.

Глава 15

Айи

Две недели и пять дней. Столько времени Эрнест обслуживал посетителей. Я полагала, что должна быть довольной, потому что его почтительное отношение задобило всех – мистера Чжана и даже мистера Ли, и менеджера Ванга. Но каждый раз, когда я оглядывала танцующих посетителей, пьющих мужчин, меня снедало беспокойство. У всех моих конкурентов было чем привлечь клиентов: в «У Киро» Сассуна был самый фантастический бренди, в «Дель Монте» – экзотические русские девушки, а в небольших танцевальных клубах была дешевая входная плата. Мой клуб ничем таким не отличался. Я рассчитывала повысить его конкурентоспособность фортепианным стилем «Страйд». Но четыре месяца – это слишком долгое ожидание.

Однако я не могла выгнать Эрнеста. Я дала обещание.

Я заперла приходо-расходную книгу в своем кабинете и задумалась, что со мной случилось, откуда такая нерешительность.

* * *

Мой «нэш» остановился перед огромным зданием, обнесенным стеной, которое охраняли два льва из серого камня с резными гривами. Мой старый дворецкий крикнул из-за высокой стены, что идет, и распахнул двойные деревянные ворота, выкрашенные в ярко-красный цвет.

Это был мой дом, но он принадлежал моему старшему брату Синмэю. Наш дедушка построил эту резиденцию из пятидесяти восьми комнат в конце девятнадцатого столетия в престижном квартале Старого города, надеясь разместить много поколений семьи Шао. Резиденция, окруженная высокими стенами с каменными драконами, имела четыре крыла в четырех направлениях, центральный зал для приемов и модный бассейн, который установил Синмэй. Синмэй занимал восточное крыло, которое включало в себя кабинет, музыкальную комнату и гостиную, где он красовался своим собранием поэтических произведений перед литературными друзьями. Моя комната, отдельное здание возле искусственного пруда с японскими карпами, располагалась в западном крыле, недалеко от задней части. Резиденция, будучи последним наследием, оставленным моим дедом, находилась в плохом состоянии и нуждалась в тщательной уборке, но все еще представляла собой жемчужину шанхайского пейзажа и свидетельствовала о положении моей семьи и былом богатстве.

Перед наступлением темноты воздух был серым, небо бледным, как застиранный шелк, а вековые гинкго, сосны и дубы со своими согнутыми ветвями, почерневшими и потерявшими листву после бомбежек, являли собой жалкий вид. Рядом с фонтаном во внутреннем дворе, на месте, отведенном для Ченга, стоял его черный «бьюик». Рядом был припаркован черный «нэш» Синмэя, стало быть, он вернулся из загородной поездки. Я вдруг подумала, что Ченг, вероятно, посвятил Синмэя в то, что происходит в моем клубе. И занервничала.

Как самый старший из моих братьев и сестер, Синмэй был главой семьи. Если бы он разозлился за то, что я наняла Эрнеста, это могло бы стать хорошим предлогом, чтобы вышвырнуть меня из этого дома. Он искал возможность это сделать с момента нашей ссоры из-за наследства. Наш конфликт начался, когда мать вписала меня в свое завещание, дав мне право на долю семейного состояния, равную моим братьям. Синмэй утверждал, что, поскольку женщины, согласно традициям, не могли получать наследство, он, как первенец, имел право исполнить

завещание по-своему. Я подала на него в суд по закону новой Китайской Республики, что было немислимым шагом для многих людей, которые считали судебные иски скандальными. Но я выиграла, и деньги мне вернули, а Синмэй так и не простил меня за то, что я публично его опозорила.

Никто из нас не мог предвидеть, что мы потеряем все свое наследство из-за безжалостных японцев.

Я подумывала съехать и жить в квартире, но я просто не могла этого сделать. Это стало бы заявлением о разрыве отношений с моей семьей. Кроме того, только разведенные женщины, вдовы и проститутки жили вдаль от своих семей. А теперь еще война придала смелости негодьям и гангстерам, которые зарабатывали на жизнь похищением и грабежом таких женщин, как я. В мой клуб и обратно меня должен был сопровождать мой шофер, который также работал моим телохранителем. Я не могла одна ходить по магазинам или посещать мой любимый универмаг компании «Синсире». Радио запретили японцы, поэтому о нем остались лишь воспоминания, Синмэй не разрешал ставить пластинки на граммофоне, так что и это мне было недоступно, а что касается вечеринок и фестивалей, они тоже канули в Лету из-за нехватки продовольствия.

По правде говоря, я не осмелилась бы жить одна. Меня воспитали ценить семью, и семья была у меня в крови. Вот почему, будучи владельцем миллионного бизнеса, я по-прежнему жила в страхе перед своим старшим братом, который из прихоти мог сделать меня бездомной. Такого, конечно же, никогда бы не случилось, будь моя мама жива.

Я по ней очень скучала. Без нее жизнь уже не была прежней. Каждый день я вставала с кровати, размышляя об этой горькой правде: семья без матери подобна жемчужному ожерелью без нитки.

Я выскочила из машины, высокие каблуки застучали по дорожке, уложенной камнями в форме ромбов и кругов. Я услышала стук костей для маджонга, доносившийся из гостиной рядом с фонтаном. Мои братья, Ченг и моя невестка свято верили, что, проводя дни за игрой в маджонг, они избавятся от унижения оккупации и, возможно, забудут перенесенные страдания.

– Аيي? Это ты? Иди сюда. – Раздался из гостиной голос моей невестки, Пэйю.

У меня не было выбора, кроме как развернуться и зашагать по усыпанной галькой дорожке, минуя вечнозеленые кусты османтуса и желтые георгины, которые цвели каждую весну. На скамейке возле сада гардений играли мои племянники и племянницы под присмотром няни Пэйю; позади них семейный повар достал из деревянного таза живого карпа, ударил его по голове и начал снимать чешую.

– Кто выиграл? – спросила я на шанхайском диалекте, переступая высокий порог гостиной.

За круглым столом расположились Синмэй, напротив него Пэйю, справа от нее мой младший брат, Ин, а напротив него Ченг. Электричество снова отключили, поэтому шторы были закатаны вверх, чтобы впустить естественный свет. Вокруг ходили двое домашних слуг – все, что у нас осталось от двадцати, которые прислуживали нам раньше. Они подносили маленькие глиняные горшочки с кусочками тушеной курицы, молочной кашей, приготовленной с красными финиками и женьшенем, маленькие слоеные пирожные и рисовые крекеры в сахарной глазури. В довоенное время это считалось бы убогой вечеринкой, но в наши дни она была вполне приличная.

– Мы еще не знаем, Аيي, послушай. Мы с матерью Ченга наконец-то выбрали благоприятную дату для вашей свадьбы. Следующей весной, хорошее время. Мы начали планировать. Наймем народный ансамбль, внесем предоплату за ресторан и разошлем приглашения, – заявила Пэйю.

Она была опорой семьи, заменила мать, а теперь отвечала за мою свадьбу. На ней была пурпурная туника с вышитыми золотом лягушками, прикрывавшая огромный живот. Со дня на день она должна была родить шестого ребенка. Ступни Пэйю были деформированы, поэтому она редко покидала территорию резиденции, но она со знанием дела вела переговоры о постоянно меняющемся налоге на землю с мерзавцами, работающими на японцев, управляла домашним хозяйством и собирала сплетни от родственников.

– Народный ансамбль, играющий на соне? Это так старомодно. Я предпочитаю джазовый оркестр, невестка. – Планирование моей свадьбы не входило в число моих любимых тем, этим увлекалась Пэйю.

– Никаких джазовых оркестров, младшая сестра. Мать Ченга хочет народный ансамбль. Что тебя так задержало? На улице снова была стрельба?

Это все, что я могла сделать относительно своей собственной свадьбы. Озвучить им мои предпочтения, а затем получить отказ, поскольку пожелания матери Ченга или Пэйю не совпадали с моими.

– Два раза. Хорошо, что ты не выходишь из дома.

– Аيي, знаешь что? У Синмэя есть вопросы об иностранце, которого ты наняла, – с упреком произнес Ченг. Он всегда был таким, обращался со мной как с ребенком, когда был мной недоволен.

Синмэй бросил на меня взгляд. Ему было тридцать четыре, на четырнадцать лет старше меня, и в его черных глазах сквозила обида, затаившаяся там после моего судебного процесса. Синмэй являлся издательским магнатом, владельцем нескольких литературных издательств и газеты под названием «Аналекты», а также полноправным поэтом. Он получил образование в Кембридже, но при этом, воплощая традиции, всегда облачался в длинную серую мантию. Не хватало только длинной косички, чтобы завершить образ старомодного ученого из мертвой династии.

– Это правда? Я слышал, что в твоём клубе произошла какая-то драка, – произнес он, наконец. Его неспешный и хриплый голос походил на череду скрипучих звуков, доносящихся из старого граммофона.

Перед ним все мое женское искусство притворяться и улыбаться было бесполезным. Я должна была быть покорной, чтобы он не сомневался, что он главный.

– Это было несколько недель назад.

– Зачем ты его наняла?

– Старший брат, он отличный пианист и не такой, как другие иностранцы. Он лишен каких-либо предубеждений.

– Все иностранцы полны предрассудков. Им наплевать на нас. Японцы забросали Шанхай своими бомбами, а они все сидели в своих кафе и восхищались техникой пролетающих мимо истребителей.

– Он простой пианист. – Я старалась говорить спокойно, Ченг наблюдал за мной.

– Я не знал, что в твоём клубе есть фортепиано.

– Я одолжила его.

– Вот это мне как раз труднее всего понять. Что кто-то столь здравомыслящий, как о тебе говорят, предпринял бы ряд мер, чтобы поставить под угрозу свой бизнес. Полагаю, ты знаешь, что делаешь.

Я взволнованно улыбнулась.

– Я знаю, что делаю. У меня есть план. Он будет играть новый стиль джаза под названием «Страйд». Он станет чрезвычайно популярным, и весь Шанхай соберется на моем танцполе.

– Такой вид джаза исполняют только в джаз-барах.

– Вот именно. А я сделаю его доступным для всех. – Одна из служанок протянула мне миску супа из птичьих гнезд.

– Поешь, это очень вкусно, – сказала Пэйю, не отрывая взгляда от плиток маджонга. Именно такой отвлекающий маневр мне был нужен.

– Я поем в своей комнате. – Я развернулась с миской в руках.

– К чему такая спешка? Предупреждаю тебя, Айи. Уволь его. Поползут сплетни. Ты знаешь, как мы относимся к иностранцам. Это обернется скандалом, угрозой для репутации нашей семьи. Тебя это вообще не беспокоит? – спросил Синмэй. – Сейчас слишком опасное время для нашей страны. Националисты потеряли Шанхай и Нанкин, а мы – агнцы на заклание. Но японцы ненасытны! Они хотят завоевать весь Китай. Я слышал, что вскоре они собираются бомбить новую столицу националистов в центре страны.

Националисты отступали на протяжении многих лет, Чунцин стал их новой столицей.

– Они уже бомбили ее, – сказал мой младший брат, Ин.

– Какие животные! – выругался Синмэй. – А ты знала, что этот пес Ямазаки получил повышение? Он конфисковал состояние нашей семьи и теперь возглавит подразделение, которое будет вести дела с людьми в Поселении. Айи, если ты свяжешься с иностранцами, то привлечешь его внимание и потеряешь все – своих посетителей, свой клуб. – Он отбросил фишку с девятью точками. Пэйю застонала. Ей нужна была эта фишка, но по правилам игры она не могла ее взять.

Имя Ямазаки вызвало дрожь во всем теле. Я все еще помнила родинку у него под глазом, его вызывающее отвращение злорадство. Командующий кавалерийским подразделением, которое конфисковывало имущество местных жителей, он ворвался в мой дом и заявил, что все имущество моей семьи теперь является собственностью его императора. Он приказал нам заполнить формы, в которых содержалась информация о наших банковских счетах и акциях в сталелитейной, железнодорожной компаниях и фирме по торговле шелком, иначе нас ждала смерть. Он бы конфисковал и наш дом, если бы не мой дедушка, который, как я узнала позже, дружил с главой Императорской Квантунской армии до того, как она превратилась в машину для убийства.

Держа в руках миску, я ответила:

– Мой клуб платит его правительству налог на прибыль. И танцую, люди не думают о бунте. Ямазаки это понимает.

– Айи, тебе стоит подумать о создании семьи. У нас хорошие семьи, а девушки из хороших семей не зарабатывают себе на жизнь. Ты уже не молода. – Игра Пэйю складывалась не очень хорошо, поэтому она ворчала. Эта женщина свято чтит традиции и считала, что роль женщины – быть женой и матерью. Ей не нравилось, что я работаю – тем более, в распутном ночном клубе! Она всегда говорила, что я старая, так как считала, что девочки с моим воспитанием должны обручаться в десять, выходить замуж в четырнадцать и рожать первого ребенка в шестнадцать лет. Подобно ей самой. Но я задавалась вопросом, по какой причине она хотела, чтобы у меня были дети – чтобы я потеряла свою хорошую фигуру? После пятерых детей, с шестым на подходе, Пэйю трудно было найти свою талию.

– А когда Эмили приедет в гости? – спросила я.

Мой вопрос заставил всех, включая Пэйю, замолчать. Эмили Хан, американская журналистка, переехавшая в Шанхай пять лет назад, была любовницей Синмэя. Он не считал подобное чем-то зазорным, поскольку многие китайские мужчины имели наложниц. Пэйю же раздражал не сам факт наличия любовницы, а ее национальность.

– Почему ты спрашиваешь? – сердито прохрипел Синмэй.

Он нарушил правило о том, что «соль и сахар нельзя смешивать». И расплатился за это, лишившись некоторых друзей, представителей искусства, и деловых партнеров. Эмили Хан, вероятно, подверглась такому же обращению, но на самом деле я не очень хорошо ее знала. Я чувствовала с ней определенный дух товарищества, так как мы обе работали, бросая вызов традиционной роли женщин.

– Не бери в голову. Я устала. Я пойду в свою комнату.

– Хочешь поиграть? Я выигрываю. – Ин подмигнул мне. Он был добр ко мне, потому что я являлась его кредитором. Он занимал у меня деньги без всякого намерения вернуть их, но я все равно не могла ему отказать. Из всех моих братьев он был мне ближе всех, хотя и походил на ходячую петарду, начиненную опасным порохом молодости. Он попадал в неприятности, затеявая драки, однажды его даже посадили в тюрьму. А недавно, по словам некоторых посетителей моего клуба, его видели на подпольном коммунистическом собрании.

– Ну...

– Мы еще не закончили разговор. – Синмэй бросил на меня долгий взгляд, предупреждая, что его терпение на исходе. – Пианист. Ты собираешься его уволить?

– Я забыла упомянуть. У него поранена рука.

– Значит, он даже не может играть на фортепиано.

Я потерла лоб. Я предпочитала не ссориться с Синмэем, ведь моя судьба была в его руках, но он напомнил мне, что мой бизнес всегда стоял на первом месте. У меня не было причин платить уборщику по ставке пианиста.

– Я с большим удовольствием скажу иностранцу, чтобы он убирался, Айти, – предложил Ченг с самодовольным видом. Ни для кого не было секретом, что он тоже возмущался тем, что я управляю ночным клубом. «Какой мужчина позволит своей жене флиртовать с другими?» – спросил он, когда я приобрела клуб. Но мы решили между собой, что до нашей свадьбы я буду управлять клубом, а после передам управление ему и останусь дома. С таким соглашением он имел право голоса при принятии каждого решения о клубе.

– Нет. – Я тяжело вздохнула. – Я сама скажу ему.

Глава 16

Эрнест

Он выполнял черную работу, когда менеджер Ванг позвал его в бар и прошептал что-то на ломаном английском. Эрнест не мог понять, что тот сказал, но обеспокоенный взгляд менеджера Ванга заставил его волноваться.

Айи сидела за стойкой бара, рядом с ней курил сигарету Ченг, элегантно одетый, красивый мужчина, который, как слышал Эрнест, был ее женихом. Его внушительная фигура с широкими плечами была облачена в дорогой пиджак, на руке красовались золотые часы. Эрнест видел его несколько раз и чувствовал себя неловко от его присутствия, его богатства, культурной утонченности и даже его хорошего вкуса в моде. Он также испытывал смешанные чувства, когда видел, как Ченг входит и покидает банкетный зал с Айи. Они прекрасно выглядели вместе, оба с привлекательной внешностью и дорогими украшениями. Но он заметил неловкость, отражавшуюся на лице Айи, и собственнические повадки Ченга – он всегда сжимал ее руку, как будто хотел удержать ее от бегства.

– Эрнест, я должна с вами объясниться, – сказала она, держа в руке стакан для коктейля, наполненный светлой жидкостью. Ее глаза мерцали в тусклом свете, лицо было напряженным.

Его сердце сжалось от дурного предчувствия.

– Как вы, возможно, знаете, мой клуб уже некоторое время переживает трудные времена, и я надеялась, что ваша игра в стиле «Страйд» сможет оживить мой бизнес. Но на вас напали. Конечно же, это не ваша вина. Но я не знаю, сколько еще времени займет ваше восстановление, а этот клуб важен для меня. Он является единственным источником дохода для многих моих сотрудников...

Если он потеряет эту работу, у него не будет тофу или миски риса с мучными червями для Мириам.

– Мое выздоровление не займет много времени. Еще одна неделя – это все, что мне нужно.

Ченг выпустил струйку дыма, он явно наслаждался сложившейся ситуацией.

– Тебе пора уходить, чужеземец.

Эрнест проигнорировал его.

– Вы все еще хотите представить вашим посетителям «Страйд», мисс Шао?

– Разумеется, хочу... – Она взглянула на Ченга.

– Одно выступление, – попросил Эрнест. – Один шанс. Если я его провалю, то уйду.

– Но ваша рука.

– Я справлюсь.

– Одна неделя, говорите...

– Айи. – Ченг нахмурился.

– Вообще-то, я могу сыграть прямо сейчас, – продолжил настаивать Эрнест. Она потеряла лоб.

– Айи. – Еще громче повторил Ченг.

Она выглядела обеспокоенной, но улыбнулась.

– Одно выступление, Эрнест. Я согласна. Но не сегодня. Мне нужно вас должным образом представить. Как насчет послезавтра? Я размещу объявление снаружи здания, чтобы люди обязательно обратили внимание.

Ченг схватил стакан для коктейля, залпом осушил его и со стуком поставил на барную стойку. Затем поспешно удалился. Эрнест посмотрел на Айи. Она приложила палец к губам.

Счастье переполняло его. Она встала на его сторону, а не на сторону своего жениха. Может быть, она вообще не испытывала никаких чувств к Ченгу.

– Но могу я обратиться с просьбой, Айи? – спросил он тихим голосом, надеясь, что из-за громкой музыки его никто не услышит. Все в ней было завораживающим: то, как она задумчиво потирала лоб, как говорила, как ходила.

– О чем?

– Если мое выступление пройдет успешно, вы пойдете со мной в кино? – Сквозь серую дымку и огни в баре он мог видеть изгибы ее стройного тела. Он был влюблен в нее и едва мог контролировать себя. Он жаждал стать напитком в ее руке, чтобы она проглотила его, чтобы он стал неотделимым от нее.

– Вы пользуетесь моей добротой?

– Таков мой основной план.

Завеса отчужденности соскользнула, и на ее лице появилась улыбка. Айи снова была той девушкой, которая слушала его игру в «Джаз-баре». Ему хотелось поцеловать ее. Всего один поцелуй.

Она встала.

– Удачи, Эрнест. Если ваше выступление провалится, боюсь, вам понадобится другой план. Хотите выпить?

– Конечно. – Он взял коктейльный стакан из ее рук и залпом выпил содержимое.

– Хорошее вино.

У нее отвисла челюсть, и она начала смеяться. И вдруг он услышал, как люди в баре тоже засмеялись. Он облизнул губы. Это было не вино, а всего лишь холодная вода.

* * *

В тот вечер он слушал игру оркестра внимательнее, чем раньше. «Джаз помогает забыть о реальности», – сказала она. Но в нем было гораздо большее. Джаз был музыкой радости, молодости, индивидуальности; это была музыка пота и слез, сердца и души. Джаз был свободой.

У него руки чесались играть.

* * *

Вечером своего выступления Эрнест посмотрел на свое отражение в ударной тарелке, чтобы убедиться, что оно чистое. Он надел свой лучший костюм и черную оксфордскую рубашку, которую накануне вечером постирал и повесил сушиться на спинку кровати в своей квартире. Ботинки его тоже были отчищены от грязи.

Он вышел на сцену вместе с оркестром. Сквозь дым он мог видеть Ченга, который стоял на краю круглой танцплощадки и курил с видом человека, привыкшего к богатству. Несмотря на тускло освещенный зал и невозможность разглядеть выражение его лица, Эрнест чувствовал враждебность во взгляде Ченга. Айи сидела за стойкой бара, просматривая приходо-расходную книгу в тканевом переплете. Затем она повернулась к круглым столикам, расставленным вокруг танцпола и нахмурилась.

Он проследил за ее взглядом. Лишь несколько голов покачивались в темноте; несколько мужчин, скрестив ноги, со скучающим видом откинулись назад. У ее клуба действительно были проблемы. Поможет ли его игра вдохнуть новую жизнь в ее бизнес?

Когда музыканты расположились на своих местах, Эрнест сел за фортепиано и уставился на свою забинтованную руку. Он не надевал перчатку с тех пор, как его пырнули ножом. И,

вероятно, не станет носить ее; ему это было ни к чему. Он не собирался позволять шрамам влиять на его жизнь. Его волновало только их с Мириам будущее. Он пошевелил пальцами. Зарубцевавшаяся ткань на месте раны натянулась, повязка застряла между пальцами, и острая боль пронзила его руку. Но пальцы по-прежнему сохраняли подвижность, и, прикоснувшись к клавишам, он испытал настоящее блаженство. Сделав глубокий вдох и опустив плечи, он прислушался с счету мистера Ли, ожидая своего шанса, ритма свободы, метронома жизни.

Глава 17

Айи

Я засунула приходо-расходную книгу в свою сумочку и оглядела зал. Чтобы казаться более уверенной, придала лицу свое обычное суровое выражение, но я так нервничала, что едва могла усидеть на месте. Рука Эрнеста еще окончательно не зажила. И то, что он вынужден был напрягать ее, могло привести к плачевным последствиям. Если его выступление провалится, ему придется покинуть клуб, что станет для меня печальным ударом, поскольку я никогда бы не призналась Ченгу или кому-либо еще, или даже самой себе, что привязалась к Эрнесту – к его скромности и смелости.

Кто-то позвал меня по имени, и я всмотрелась в лица, движущиеся в темном, дымном воздухе. Многие посетители были одеты в брючные костюмы в западном стиле; некоторые, кто придерживался китайских традиций, были облачены в длинные халаты или просторные пиджаки с воротниками-стойками. Они были постоянными посетителями, и я знала их в лицо. Должно быть, они увидели рекламу, которую я разместила снаружи клуба, и решили дать шанс Эрнесту и его фортепианному «Страйду». Мистера Чжана не было видно в клубе уже несколько дней, и я надеялась, что больше не увижу его.

Я повернулась к своим профессиональным танцорам, все они были обучены популярным бальным танцам, таким как фокстрот, Чарльстон, вальс, танго и свинг. Зевая, они столпились рядом со сценой, пол вокруг них был усыпан шелухой от семян подсолнечника. Ланью, самая популярная среди посетителей танцовщица, грызла семечки, шелуха сыпалась у нее изо рта, как пыль. На днях она пожаловалась, что зарабатывает мало денег.

Она была высокой, фигуристой двадцатитрехлетней девушкой, лучшей танцовщицей, из тех, что я нашла. Рядом с ней я чувствовала себя неуверенной в себе. Она была кокеткой и, к сожалению, отлично знала себе цену. Если бы она собралась уволиться, другие танцоры последовали бы за ней, что стало бы для меня огромной проблемой.

Управлять бизнесом во время оккупации было нелегко, поскольку постоянно возникали различные проблемы. Счета, по которым нужно платить, множились, а прибыли было недостаточно. Обычно я настойчиво торговалась с электриками, уборщиками, поставщиками продуктов питания и арендодателями. Я также обеспечивала своих танцоров красивой одеждой и обувью и платила за их обучение новейшим танцевальным движениям. Мне еще предстояло выплатить ссуду строительной компании, которая отремонтировала крышу, когда японцы сбросили бомбу на Бабблинг-Уэлл-роуд. К тому же еще нужно было выплачивать немалый еженедельный «налог» на прибыль обиралам от вражеского правительства. Куча счетов, которые нужно было оплачивать.

Впечатляющий звук и беспрецедентное очарование фортепианного «Страйда» Эрнеста привлекло бы в мой клуб больше посетителей и значительно улучшило бы мои финансы – при условии, что ему удалось бы исполнить эту великолепную музыку своей поврежденной рукой.

– Ничем хорошим это не закончится. И не говори потом, что я не предупредил, – сказал Ченг, внезапно оказавшись возле меня.

Если бы его предупреждения можно было посчитать за капли дождя, то уже случился бы потоп. Но что, если он был прав?

Трое долговязых парней, пошатываясь, направились в мою сторону. Они были молодыми, может лет пятнадцати – шестнадцати. Я не сомневалась, что они получали деньги на карманные расходы от своих бабушек и дедушек, но была рада любым посетителям.

Я соскользнула с барного стула и расправила платье. С жемчужной заколкой в волосах, золотыми серьгами в форме листочков и золотым ожерельем, я выглядела достаточно искусственной, чтобы управлять клубом, но при этом еще достаточно молодой, чтобы мной манипулировали. Риск, на который я готова была пойти. Я обожала дорогую одежду и украшения.

– Добро пожаловать в мой клуб, молодые люди!

– Мисс Шао, так рад вас видеть. Я видел рекламное объявление и слышал, что сегодня первое выступление этого пианиста, поэтому решил послушать. Но зачем вы наняли белого человека? – спросил один из них, его лицо было покрыто красными прыщами.

– Все говорят, что он немецкая колбаса. Он хоть хорошо играет? – добавил второй парень с косыми глазами.

Третий поддакнул громким голосом:

– Немецкая колбаса? Я думал, вы говорили, что вы вегетарианка, мисс Шао.

Я вопросительно выгнула брови. Этим мальчикам стоило бы постыдиться разговаривать со мной в таком тоне.

– Отвалите. – Пригрозил Ченг, развернувшись и закатав рукава.

Троица отшатнулась, узнав сшитый на заказ костюм и дорогие кожаные туфли. Но я не хотела, чтобы от страха у них пропала охота посещать мой клуб.

– Ченг, может, тебе лучше вернуться в кабинет?

– Я никуда не пойду.

Оркестр вот-вот должен был начать выступление. Я направилась в глубь зала, но натолкнулась на дородного мужчину с толстой золотой цепочкой, который покачал головой.

– Мисс Шао, мисс Шао, вам не следовало этого делать. Если вы любите мясо, китайские лошади – самые лучшие, а старый конь продержится дольше молодого жеребца. Вы же знаете поговорку: старая лошадь знает дорогу. Белые мужчины...

– Извините, но думаю, выступление начнется с минуты на минуту. – Я пересекла танцпол и остановилась с другой стороны, откуда могла видеть лицо Эрнеста. Он выглядел бледным, его руки дрожали.

Черт возьми, нет. Мне стоило дать ему больше времени. Это будет катастрофа.

Мистер Ли начал отсчет. Затем зазвучала песня «Let's Do It (Let's Fall in Love)».

Эрнест склонил голову набок, вслушиваясь. Внезапно, как будто он устал ждать, его пальцы ударили по клавишам в быстрой, заразной последовательности, и полились интенсивные, роскошные, чистые фортепианные звуки. Музыканты выглядели удивленными; на лице мистера Ли отразилась досада, но он продолжил играть на своей трубе чуть тише, и Эрнест воспользовался моментом, барабана по клавишам и выдавая восходящие арпеджио, которые, казалось, никогда не кончатся. Воздух завибрировал, взрываясь неудержимыми волнами дразнящей энергии, которая затопила танцпол, перемешиваясь с искрящимся светом и движениями танцующих. Люди свистели и удивленно вскрикивали; Ланью и мои танцоры поплыли на танцпол, рука об руку со своими партнерами.

Волна эйфории захлестнула меня. Это был настоящий джаз. Эрнесту удалось это сделать.

Откуда-то с танцпола долговязая троица кричала:

– Черт, мисс Шао, это потрясающе.

Затем раздался непристойный окрик дородного мужчины с золотой цепью, который указывал на свои колени:

– Это феноменально. Смотрите! Мисс Шао. Он большой и такой твердый. Вы должны посидеть на нем. И это не мой стул.

Где Ченга носило, когда я так нуждалась в нем? Но я была так счастлива. Игра Эрнеста была идеальной, и оркестр это понимал. Вместе они сыграли «Summertime», затем «What Is This Thing Called Love?», где Эрнест солировал, а оркестр аккомпанировал ему, и их выступление звучало в полной гармонии. Люди танцевали, покачиваясь, и смеялись на танцполе.

На рассвете музыка наконец смолкла. Это было самое долгое джазовое выступление в моей жизни. Весь джин, привезенный Сассуном, был распродан. Фортепианная игра Эрнеста, как я и надеялась, имела огромный успех. Улыбка не сходила с моего лица. И мне потребовалось большое самообладание, чтобы не броситься в его объятия. Такой глупой я была.

* * *

Слух о впечатляющем выступлении Эрнеста быстро распространился по городу. Многие люди, которые редко заходили в мой клуб, приходили, чтобы послушать и убедиться в этом самим. Услышав его игру, они рассказывали о ней своим друзьям и родственникам. Не прошло и месяца, как у здания клуба каждый вечер собиралась толпа посетителей в ожидании, когда их впустят.

Чтобы максимально увеличить прибыль, я смешивала остатки виски Сассуна с водой и немного повысила цену. В это было трудно поверить, но, казалось, никого это не волновало. Напитки пользовались большим спросом, и танцоры делали несколько перерывов. Очень скоро виски Сассуна тоже закончилось, но, к счастью, я нашла немного алкоголя на черном рынке, так что могла выполнять заказы каждого посетителя. Все были счастливы, мои танцоры зарабатывали деньги, и прибыль росла.

И Эрнест был неутомим каждый вечер, его лицо сияло, освещенное восемнадцатью тысячами лампочек. Он говорил, что его рука зажила, и он понимал, что не стоит ее сильно напрягать. Своей музыкой Эрнест дарил радость людям и озарял золотым солнечным светом их мрачные лица. С каждым вечером он становился все более популярным, его имя было на устах у посетителей, его музыка разглаживала морщины на их лбах.

Даже Сассун позвонил мне через два месяца, чтобы поздравить.

– Фортепианный «Страйд» произвел большую сенсацию. Я весьма удивлен. Вы обладаете завидной деловой хваткой, дорогая.

Я была очень довольна собой. Именно о таком чуде я и мечтала, и очень скоро мой клуб смог бы вернуть себе статус самого популярного ночного заведения Шанхая. Тогда его важность многократно возрастет, открывая двери новым возможностям для бизнеса. Я могла бы даже продать акции ночного клуба и обналичить их.

Я была права с самого начала – мы с Эрнестом образовали прекрасную взаимовыгодную пару; мы были созданы друг для друга. Когда он играл, я не могла отвести от него глаз, упиваясь его музыкой, его улыбкой, его восторженным лицом.

* * *

В один из поздних вечеров, когда я вернулась домой, мой старый дворецкий сказал мне, что Синмэй хочет видеть меня в своем кабинете.

– Что, по-твоему, ты делаешь, Айи? – спросил Синмэй, сидя за гигантским заваленным свитками столом из красного дерева. Четыре самые ценные в его кабинете вещи – черная чашечница, кисть, листы тонкой каллиграфической бумаги и его личная печать – добавляли хауса его столу. – Ты сказала, что уволишь пианиста, но почему до меня дошли слухи, что весь Шанхай говорит о нем?

– До тебя дошли слухи? – Я подошла, чтобы рассмотреть бюст Сапфо в стеклянной раме – его самое ценное достояние. Он потратил пятьдесят тысяч серебром, небольшое состояние, на этот бюст. Назвав ее богиней, он сочинил три стихотворения, восхваляющие ее красоту и несравненное вдохновение. Но я считала это его самой абсурдной глупостью из всех – потратить столько денег за простую греческую поэтессу с пустыми глазами.

– Я ведь владею несколькими журналами.

– Я собиралась его уволить, старший брат. Но многие люди приходят послушать его фортепианный «Страйд», поэтому это было бы глупо с моей стороны. Он приносит пользу бизнесу...

– Он плохо влияет на репутацию нашей семьи.

Синмэй не собирался меня слушать. У меня возникло желание солгать, чтобы покончить с этим.

– Кто тебе сказал?

– Не твое дело.

Неужели ли Ченг проболтался ему? Или его друзья-поэты? Эмили Хан? Потом меня осенило, что Эмили была бы последним человеком, которого заботила репутация моей семьи. На самом деле, Эмили могла бы мне помочь. Будучи журналисткой, она имела в своих руках огромную власть и могла с помощью своих слов оказать большое влияние на репутацию любого. Если бы она написала статью о моем клубе и замолвила за меня словечко, Синмэй перестал бы на меня давить. В качестве бонуса ее статья помогла бы повысить популярность Эрнеста, создать вокруг него шумиху, увеличив тем самым значимость и ценность моего клуба.

Была только одна проблема. Эмили, будучи известным репортером и старше меня на пятнадцать лет, могла быть довольно высокомерной. И, честно говоря, до сих пор я не испытывала желания дружить с ней, иностранкой, потому что переживала за реакцию Пэйю.

– Эмили скоро приедет в гости?

– Откуда мне знать? – проворчал Синмэй, держа в руках черную кисточку для каллиграфии, сделанную из волчьего меха. – Она делает, что хочет. Я велел ей, чтобы она перестала выпивать с Сассуном, но она все равно это делает, потому что, по ее словам, любит виски. Что не так с сорговым вином? У него более чем тысячелетняя история!

Он ревновал. Эмили была любовницей Сассуна до того, как стала спать с Синмэем.

Видимо, мне самой нужно было совершить визит к Эмили, и я должна была уговорить ее помочь мне.

Глава 18

Эрнест

После нескольких месяцев игры на фортепиано он больше не мог игнорировать боль в руке. Зажившая рана снова разболелась; мышцы руки сводило судорогой, пальцы немели, и ему стало трудно попадать по клавишам. Эрнест отправился в больницу Святой Марии, чтобы получить порцию морфия и поболтать с пожилыми католическими монахинями. Он поинтересовался у них, как можно поддерживать связь с людьми в Европе, поскольку хотел бы знать, когда приедут его родители. По словам седовласой монахини, в Поселении работало немецкое почтовое отделение.

Он поблагодарил их. Позже он собирался найти это почтовое отделение.

Благодаря морфию боль в руке ослабла, и он снова смог играть на фортепиано. Каждое утро оглушенный джазом он вваливался в свою квартиру и каждый вечер перед закатом возвращался играть, наслаждаясь улыбками толпы. Люди угощали его местными сигаретами – «Гаррикс», «Ред Пиони», «Франт Гейт» – изготовленными из табака грубой нарезки, часто промокшего от непрекращающегося летнего дождя. Его больше не называли «гуизи» или призраком, теперь за ним закрепилось более дружелюбное прозвище «лаовай», что в переводе означало «старый иностранец», и оно ему нравилось.

Он жил словно во сне, где его окружали деньги, обожание и друзья. Где его любили, ценили и принимали, как джазового пианиста. Аيي подняла ему зарплату до сорока фаби в день, и он начал откладывать сбережения.

На заработанные деньги он купил пару туфель для Мириам. С их последнего разговора несколько месяцев назад она стала более замкнутой и раздражительной и даже перестала проситься на улицу. Эрнест считал это хорошей переменной.

И вот однажды в июне, когда он вернулся домой, комната была пуста.

* * *

– Мириам? – Он покрутится в их квартире. – Мириам!

Он провел руками по волосам, чувствуя, как сердце опускается в пятки. Он должен был понимать, что просить подростка оставаться в квартире весь день – это слишком. Мириам было одиноко и скучно, и она сбежала. Он никогда бы не простил себе, если бы с ней что-то случилось.

Обыскивая переулок за переулком, улицу за улицей, он кричал во все горло:

– Мириам!

Только начало светать, улицы были пусты, а магазины еще не открылись. Он расспрашивал продавцов угля, торговцев лапшой, уборщиков ночных горшков, рикш, покупателей и даже водителей санитарных фургонов, собирающих брошенные тела. Они не могли его понять.

Никто не хотел помогать. Китайской полиции не существовало, а японским солдатам было наплевать. Он помчался в Поселение, возле ворот с колючей проволокой он стал умолять о помощи двух огромных полицейских-сикхов в черных чурбанах. Один схватил его.

– Я отпустил тебя, и теперь ты вернулся!

Эрнест не сразу сообразил, что это был тот самый сикх, который арестовал его возле отеля.

– Вы – хороший полицейский, – взмолился он. – Пожалуйста, помогите мне. Пожалуйста, найдите мою сестру – девочку в бежевой овечьей шапке-ушанке.

В ответ полицейский-сикх повернулся к нему спиной.

Пошатываясь, Эрнест добрался до своей квартиры, его глаза болели от недосыпа, правая рука пульсировала от боли после почти двенадцатичасовой игры на фортепиано. Внезапно он понял, насколько невнимательным был по отношению к Мириам. Учитывая теплую погоду, она не надела бы свою шапку-ушанку. Но он этого даже не заметил. Она хотела поговорить с ним, но он отказался. Он уделял ей слишком мало внимания, был бесчувственным. Он не был хорошим братом.

От запаха горелого арахисового масла его затошнило, а голова разболелась. Наступил полдень. Скоро ему предстояло вернуться на работу в клуб, но он не мог играть на фортепиано, пока Мириам отсутствовала. Он без сил опустился на камень перед своим многоквартирным домом и уронил голову между ног.

Перед глазами возник образ Лии, ее окровавленного, безжизненного тела, и он заплакал. Он никогда не рассказывал Мириам, как умерла Лия, и молча оплакивал ее вместе со своими родителями. Эрнест был полон решимости уберечь Мириам от любого зла в этом мире, потому что у Мириам, его невинной, мягкой сестры – книголюба, должна была быть жизнь, полная радости и справедливости. Но что он наделал? Если что-то случилось с Мириам, если ее избили, или похитили, или изнасиловали, или убили, как Лию, он никогда не смог бы себе этого простить.

– Эрнест.

Он резко вздернул голову. Перед ним словно во сне стояла Мириам, обхватив себя за плечи и прикрывая руками свою обнаженную грудь. На ней не было ни юбки, ни обуви, только нижнее белье. Кровь текла из ее носа.

– Мириам! Слава богу! Ты здесь! Где ты была? Что случилось? – Он бросился к ней.

Ее огромные глаза наполнились слезами.

– Какой-то головорез отобрал мои вещи, Эрнест. У него был нож.

– Боже милостивый. – Он заключил ее в свои объятия. – О, боже. Я думал, что потерял тебя. Я думал... Я так беспокоился. Я же говорил тебе не выходить из дома. Говорил же.

– Прости меня. – Мириам зарыдала, положив голову ему на плечо. – Я хотела найти работу, как и ты. Почему я не могу быть такой, как ты? Но никто не хотел меня нанимать. Люди плохо ко мне относятся. Я пыталась. Я так старалась. Я так напугана. Я не знаю, что делать.

– Теперь все хорошо. Я тут, Мириам. Я рядом. Я придумаю что-нибудь, чем бы ты могла заняться, хорошо? Я найду для тебя школу.

Ее глаза расширились.

– Здесь есть еврейская школа, Эрнест. Я проходила мимо нее. Ты запишешь меня туда?

Он снял с себя рубашку и обернул ее вокруг сестры. Он прижал Мириам к своему сердцу, чтобы никогда не забыть, как она дорога ему. Благодарность и облегчение снова вызвали у него слезы.

– Я так и сделаю. Я сделаю для тебя все, что угодно.

* * *

На следующий день после работы он отвел Мириам в шанхайскую школу Еврейской молодежной Ассоциации. Основанная сэром Горацием Кадури, богатым евреем из Шанхая, школа располагалась на западе, в конце Бабблинг-Уэлл-роуд, в нескольких милях от того места, где он жил. Это было одноэтажное здание с внутренним двором, окруженным высокой кирпичной стеной. В школе преподавали с первого по восьмой класс, включая уроки религии, музыки, китайского и английского языков. Мириам недостаточно хорошо владела английским,

поэтому ее должны были зачислить в шестой класс. Но поскольку весенний семестр почти закончился, ей нужно было подождать, чтобы быть зачисленной на занятия осенью. Для приема в школу необходимо было оплатить регистрационный взнос, затем вносить ежемесячную плату в размере пяти американских долларов и платить принимающей семье, которую находила школа, потому что детям было слишком опасно добираться до школы самим. Все это выливалось в двадцать американских долларов. Учитывая растущую инфляцию и колебания обменного курса между национальной валютой и американскими долларами, Эрнест подсчитал, что это будет эквивалентно шестистам китайским фаби.

Ему повезло, так как после всех этих месяцев работы он как раз накопил эту сумму.

Глава 19

Айи

Спустя несколько недель после разговора со своим братом я отправилась в отель Сассуна. К своему облегчению, на этот раз я не столкнулась в ярко освещенном вестибюле с враждебно настроенными иностранцами.

Я сразу заметила Эмили Хан с ее темной помадой и выразительными бровями, расположившуюся на бордовом кресле «Честерфильд» возле «Джаз-бара». Она склонилась над своим блокнотом и что-то быстро в него записывала.

Эмили, репортер родом из Сент-Луиса, опубликовала много очерков о китайцах в американском еженедельнике «Нью-Йоркер», проливающих свет на Китай, незнакомую для многих американцев страну. Она была единственной известной мне иностранной журналисткой, которая сумела создать свою литературную репутацию среди состоятельных – и консервативных – китайских филологов, таких как Синмэй, и стала популярным эссеистом, написав познавательные статьи о жизни американки в Шанхае для многих зарубежных изданий. Она делала репортажи в Нанкине о тамошней резне, а также писала книгу о сестрах Сун.

Согласно традиционным предпочтениям китайцев, Эмили не была красивой: ее лицо было слишком круглым, профиль довольно резким, и она была весьма высокой и полной. Пэйю прозвала ее «Большой задницей». В ней не было той напускной скромности, которой учили шанхайских девушек. О ее распутстве, как отмечали многие, ходили легенды – сначала Сассун, потом Синмэй. И если я, по мнению Пэйю, была старой в двадцать лет, то Эмили была древней старухой в свои тридцать пять.

Но мне было все равно, что другие говорили об Эмили. Я надеялась, что она могла бы стать моим союзником или другом – мне бы хотелось иметь друга, потому что с тех пор, как Эйлин уехала в Гонконг, я была очень одинока. Когда я увидела Эмили в литературном салоне Синмэйя шесть месяцев назад, я попыталась подружиться с ней, представив ей свою портниху. Но Эмили, рассказывая о написании биографии о мадам Сун и ее сестрах, выглядела раздраженной. Она выпустила струю дыма мне в лицо, высмеяла меня, назвав безмозглой и скучной девчонкой, и прогнала прочь.

Я еще не была готова ее простить, поэтому в ожидании подходящего момента остановилась на приличном расстоянии от кресла, в котором она сидела. И тут внезапно она бросила ручку. Ее плечи задрожали, и у нее вырвалось рыдание.

Писатели, они были как маленькие дети. Они нуждались в долгих часах творческого забытья, постоянно ныли и закатывали истерики, но их также нужно было время от времени обнимать.

Я вытащила из сумочки носовой платок и протянула ей.

Она подняла голову. Ее темные глаза были большими и мокрыми от слез, а лицо мертвенно-бледным, как у Синмэя. Они оба были наркоманами.

– Что ты здесь делаешь, малышка? – Она взяла протянутый платок, приложила к носу и громко высморкалась.

Вот насколько мы отличались: американские женщины высмаркивали носы, словно в трубу дули, в то время как шанхайских девушек, вроде меня, учили сводить это к едва слышному звуку. И было довольно унижительно слышать обращение «малышка» в таком нелестном тоне. Но я нуждалась в помощи.

– Что-то случилось? – спросила я.

– А тебе-то что за дело?

Все та же высокомерная, плаксивая Эмили, но судя по всем ее статьям, что я прочитала, я знала, что она также может быть довольно проницательной. Мне нужно было потерпеть ее.

– Ну, если у вас есть время, я бы хотела рассказать вам кое-то, заслуживающее внимания. Я наняла пианиста. Европейца. Он стал новой сенсацией Шанхая. Может, вы захотите взять у него интервью.

Она шмыгнула носом.

– И ты пришла сюда рассказать мне об этом? После того, как на тебя напали иностранцы? Стало быть, она слышала об этом.

– Они были пьяны. Они не стали бы прибегать к такой жестокости, если бы были трезвыми.

– Своей смертью ты явно не умрешь.

Немного нервничая, я продолжила:

– Нет такого закона, который бы запрещал китайцам брать на работу иностранцев. Я знаю, поскольку владею бизнесом. Он – потрясающий пианист, и посетители его обожают. Кроме того, я вижу, что вы с моим братом отлично ладите.

– Ты понятия не имеешь, что я сейчас переживаю. Твой брат разрушил мою жизнь. Теперь Сассун не водит меня на свои вечеринки, мои друзья отказываются отвечать на мои телефонные звонки. Меня больше не приглашают в их салоны. Из-за твоего брата я стала изгоем общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.